

ПРЕДИСЛОВІЕ

(КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.)

Имя Платона избавляетъ меня отъ труда говорить о цѣли и пользѣ предпринимаемаго перевода Платоновыхъ сочиненій. Стоя на заглавномъ листѣ книги, оно само—и гораздо убѣдительнѣе—говоритъ за свою книгу. Великіе гени на поприщѣ науки суть свойственники не народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть достояніе всѣхъ вѣковъ. По этому Русской литературѣ было бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ не усвоить себѣ того, что справедливо почитается лучшимъ украшеніемъ каждой литературы.

Но какъ должно переводить сочиненіе, чтобы оно усвоилось литературѣ извѣстнаго народа? Переводы книгъ съ древнихъ языковъ бывають большею частію либо буквальныя и подстрочныя, какъ переводилъ греческихъ поэтовъ нашъ И. И. Мартыновъ, либо перифрастическія, какъ переводилъ Платона Г. Кузень. Оба эти способа передавать современникамъ и потомству мысли и чувстваванія древнихъ писателей очень не трудны; потому что въ первомъ случаѣ переводчикъ не считаетъ нужнымъ заботиться о чистотѣ и плавности того языка, на который книга переводится, а во второмъ—нисколько не останавливается на особенностяхъ и частныхъ оттѣнкахъ переводимой мысли. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ эти оба

способа и не достигаютъ своей цѣли—не усвояютъ народу образцовыхъ произведеній древности. Переводы буквальные почти всегда — мертвый капиталъ литературы, а перифрастическіе—почти вовсе бесполезны для читателей. Читая на примѣръ Кузена, вы дивитесь легкости и плавности его выраженія; но Платонъ едвали бы узналъ въ немъ энергію собственной своей мысли. Правда, одинъ германскій рецензентъ недавно, говоря о нѣмецкомъ переводѣ «Русской Исторіи» Г. Устрялова, замѣтилъ: *die Uebersetzung ist, wie sie seyn muss, d. h., man bemerkt es nirgends, dess es eine Uebersetzung ist, die man vor sich hat.* Но это замѣчаніе, по моему мнѣнію, только вполонину справедливо. Хорошо конечно не узнать, что переводъ есть *переводъ*, однакожь не менѣе нужно и то, чтобы сочинитель переведенной книги узналъ въ этомъ переводѣ дѣйстви-тельно *свое сочиненіе*. По этому истинно хорошимъ переводомъ, кажется, надобно почитать тотъ, въ которомъ 1) выражена мысль писателя, если можно, со всѣми ея оттѣнками, 2) сохранена чистота и естественность современной фразы на томъ языкѣ, на который сочиненіе переводится. *In hac translatione conficienda, говорить Асть о своемъ латинскомъ переводѣ Платона, id potissimum contendi, ut, quæ sunt interpretationis officia, et fidelem et latinam eam fingerem.*

Эти общія правила я постоянно имѣлъ въ виду, при переложеніи Платоновыхъ разговоровъ, хотя, можетъ быть, и не всегда находилъ въ себѣ довольно силы строго выполнить ихъ. Признаюсь, — особенности двухъ языковъ, оригинальность Платоновыхъ оборотовъ и выраженій, множество поговорокъ и пословицъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимая связь философской мысли съ такими, а не

другими греческими формами, кое-гдѣ не позволяли мнѣ держаться на своихъ основаніяхъ и принуждали — то на минуту допустить перифразъ, то отчасти измѣнить пѣкоторымъ неважнымъ требованіямъ роднаго языка. Съ необходимостію, по греческой пословицѣ, и боги не воюють ¹. Впрочемъ смѣю надѣяться, что такихъ недостатковъ не много, и что знатоки дѣла, взвѣсивъ всѣ затрудненія, съ которыми мнѣ надлежало бороться почти на каждой страницѣ, извинятъ подобныя неисправности моего перевода.

Думая, что не хорошо дѣлать менѣе, когда есть возможность сдѣлать болѣе, я рѣшилъ предстать на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ, но вмѣстѣ какъ критикъ и отчасти какъ комментаторъ Платоновыхъ сочиненій; а по тому, къ каждому разгору приложилъ свое введеніе и нѣсколько филологическихъ, историческихъ и философскихъ примѣчаній. Побужденіе къ составленію такихъ приложений, конечно—не тщеславіе и суетность; да и кто изъ тщеславія согласился бы на такіе труды и пожертвованія! Я убѣжденъ опытомъ, что кому пріятно и нужно понять все, заключающееся въ Платоновыхъ сочиненіяхъ, тотъ не обойдется безъ средствъ вспомогательныхъ. Мысль Платона нерѣдко проясняется—то частными свойствами и отношеніями тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ, или о которыхъ упоминается въ разговорѣ, то предварительнымъ знаніемъ тѣхъ повѣрій и обычаевъ, которыя Грекамъ были совершенно извѣстны, а у насъ не существуютъ и пред-

¹ Латинскій языкъ, по своимъ формамъ, безъ сомнѣнія ближе къ греческому, нежели русскій;—и однакожь Астъ, переводя Платона на латинскій языкъ, долженъ былъ, для выраженія нѣкоторыхъ греческихъ терминовъ, составить слова: *dupliciloquentia* (*διπλασιολογία*), *sententiloquentia* (*συνομολογία*), *simililoquentia* (*εἰκονολογία*), также *breviloquentia*, *superbiloquentia*, *superrefutatio*, *subdeclaratio*, *augeratio*, *insanitia*, и проч. Я большею частію старался избѣгать такого словотворенія.

ставляются чѣмъ-то страннымъ, то соображеніемъ различныхъ ученій, имѣвшихъ вліяніе на образъ мыслей въ греческомъ обществѣ, то изслѣдованіемъ смысла пословицъ и поговорокъ, которымъ у насъ не представляется ничего соотвѣтствующаго, то опредѣленіемъ цѣли сочиненія и проч. Все это необходимо для уразумѣнія Платоновыхъ разговоровъ и, безъ объяснительныхъ приложений, требовало бы непрестанныхъ справокъ. При томъ мнѣ казалось, что читателю не бесполезно будетъ и предварительное обзорѣніе содержанія каждой бесѣды, чтобы онъ могъ вѣрнѣе слѣдовать за развитіемъ ея подробностей и наблюдать связь ихъ. Что же касается до филологическихъ замѣчаній, то въ этомъ отношеніи я старался быть, сколько можно, короче и позволялъ себѣ подобныя примѣчанія только въ мѣстахъ спорныхъ, чтобы наши эллинисты видѣли причины такого, а не другаго переложенія.

Впрочемъ собственныя мои усилія, можетъ быть, не внушили бы мнѣ довольно смѣлости объяснять Платона, если бы я не имѣлъ подъ рукою хотя не многихъ, однакожь превосходныхъ трудовъ по этому предмету. Но прежде чѣмъ укажу на нихъ, считаю полезнымъ кратко и въ хронологическомъ порядкѣ обозрѣть всѣ, какія только были, полныя изданія Платоновыхъ сочиненій, а потомъ пересмотрѣть изданія частныя и боковыя пособія для переводчиковъ и объяснителей Платона.

Замѣчательно, что въ возраждавшейся Европѣ Платонъ заговорилъ прежде по-латини, чѣмъ по-гречески. Первый, издавшій и распространившій въ ученомъ мірѣ разговоры его, былъ Флорентинецъ *Марсилій Фицинз*, который перевелъ нашего философа на латинскій языкъ еще во второй половинѣ XV вѣка, вѣроятно съ оригинала Платинова, и

въ свой переводъ сперва внесъ много нелѣпостей и мечтаний Александрійской школы, но послѣ, по совѣту Критянина *Марка Музура* ¹, знаменитаго въ то время филолога и эллиниста, значительно исправилъ его, хотя Петръ Наній ² все еще имѣлъ причину сказать: *Ficinum quidem religiose Platonem interpretatum esse, sed ita ut si ipse Plato legeret, pro suis non agnosceret.* Фицинъ сперва переводилъ Платона перифрастически, или, по словамъ Гучция ³, *verborum quidem curam negligere Ficinum, sententias dilatare nonnunquam, vel contrahere.* Это изданіе вышло

1482 года и называется *флорентинскимъ I*. Въ концѣ его значится: *impressum Florentiae per Laurentium Venetum.* За нимъ слѣдовали:

1491 *Флорентинское II*, напечатанное роскошно, по повелѣнію и на счетъ Лаврентія Медичисъ.

1491 *Венеціанское I*, вновь пересмотрѣнное самимъ Фициномъ.

1517 *Венеціанское II*, съ показаніемъ содержаній каждаго разговора, составленныхъ Фициномъ.

1518 *Парижское I*, озаглавленное: *Opera Platonis latina a Mars. Ficino traducta.*

1522 *Парижское II*, не болѣе какъ копія перваго.

1532 *Базельское I*, съ поправками *Гринейя*.

1539 *Базельское II*, Гринеево.

1546 *Базельское III*.

1548 *Лейденское I*.

1551 *Базельское IV*, съ поправками *Гринейя*.

1557 *Лейденское II*, къ которому присоединены шесть

¹ *Menag.* Т. II. *Antibailleti* p. 157.

² *Gaddii* Т. II. *de scriptt. non ecclesiasticis* p. 144.

³ *Huet.* *de clarr. interpr.* p. 295.

сомнительныхъ разговоровъ Платона, переведенныхъ *Сев. Коррадомъ*. Эти разговоры: Эриксиасъ, Акефалосъ, Демодохъ, опредѣленія, о добродѣтели, о справедливости.

1561 *Корнаріево*, подъ заглавіемъ: *Platonis Atheniensis, philosophi summi ac penitus divini, opera per Ianum Cornarium, Medicum Physicum, latina lingua conscripta. Eiusdem eclogae decem additis Ficini argumentis et commentariis. Basileae.* Въ этомъ изданіи особенно цѣнятся критиками Корнаріевы эклоги, написанныя вслѣдствіе соображенія подлиннаго Платонова текста въ Альдовомъ и двухъ базельскихъ греческихъ экземплярахъ (см. ниже); такъ что Фридр. Фишеръ въ свое время счелъ полезнымъ напечатать ихъ отдѣльно и присоединить къ нимъ предисловія Альда Мануція, Симона Гринейя и Марка Гоппера.

1567 *Лейденское III.*

1588 *Лейденское IV.*

1590 напечатанное съ лейденскимъ греческимъ подлинникомъ.

1592 *Лейденское V*, пересмотрѣнное Стефаномъ Тремулеемъ.

1602—напечатанное съ франкфуртскимъ, или вехеліанскимъ греческимъ текстомъ.

Вотъ всѣ латинскія изданія Платоновыхъ сочиненій, получившія начало и размножившіяся отъ Фицинова перевода, или отъ перваго флорентинскаго кодекса. Но между тѣмъ, какъ Платонъ мало по-малу былъ исправляемъ, очищаемъ и распространяемъ на языкъ латинскомъ, нашлись люди, признавшіе нужнымъ пересмотрѣть и распространить самый подлинникъ твореній греческаго философа. Первый, рѣшившійся осуществить это намѣреніе своими издержками, былъ Венеціанецъ *Альдъ Мануцій*.

Его усердіе къ этому дѣлу простиралось до того, что онъ вызывался платить чистымъ золотомъ за исправленіе каждой ошибки въ греческомъ текстѣ Платона, и нашель себѣ ученаго дѣятеля, увлекавшагося не корыстію, а любовью къ общему благу. Тотъ самый *Маркъ Музуръ*, который, тридцатью годами ранѣе, совѣтовалъ Фицину исправить переводъ Платоновыхъ сочиненій, теперь самъ наблюдалъ за вѣрностію предпринятаго Альдомъ изданія. Оно вышло въ

1513 году подъ заглавіемъ: *Platonis opera omnia graece. Venetiis, in aedibus Aldi et Andreae Soceri.* Этотъ текстъ снятъ съ древнѣйшихъ списковъ, сохранявшихся подъ титуломъ: *πλατὼν καὶ ἀξιόπιστων.* Къ нему приложены письма и шесть подложныхъ сочиненій, носящихъ имя Платона, также письмо Альда къ Льву X, въ которомъ онъ проситъ первосвященника содѣйствовать распространенію просвѣщенія. За симъ изданіемъ слѣдовали:

1534 *Базельское I*, иначе, по имени базельскаго книгопродавца Вальдера, называемое *вальдеріанскимъ*. Заглавіе его: *Platonis omnia opera cum commentariis Procli in Timaeum et Politicam, thesauro veteris philosophiæ maximo, graece. Adiectus etiam est in Platonis omnia sententiarum et verborum memorabilium index.* Пересмотромъ и исправленіемъ этого текста занимался особенно *Опоринъ*, который однакожь, избѣжавъ многихъ погрѣшностей изданія Альдова, вмѣсто ихъ, сдѣлалъ нѣсколько новыхъ ошибокъ.

1556 *Базельское II*, иначе называемое *гонперіанскимъ*—по слѣдующей причинѣ: Нѣкто *Арнольдъ Арленій*, путешествуя по Италіи, собралъ нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ Платона и, провѣривъ ими изданіе Вальдерова, многое въ немъ исправилъ, пополнилъ пропущен-

ное, отбросилъ чуждое, и свои бумаги передалъ для напечатанія *Марку Гопперу*. Впрочемъ этотъ экземпляръ, какъ и предъидущій, все еще не безъ ошибокъ.

1578 *Стефаново*, подъ заглавіемъ: *Platonis opera quæ exstant omnia, ex nova Ioannis Serrani interpretatione, perpetuis ejusdem notis illustrata: quibus et methodus et doctrinæ summa breviter et perspicue indicatur. Ejusdem annotationes in quosdam suæ illius interpretationis locos. Henr. Stephani de quorundam locorum interpretatione judicium et multorum contextus græci emendatio. Excudebat Henr. Stephanus, Parisiis, въ трехъ листовыхъ томахъ.* Греческій текстъ этого изданія, кажется, не былъ свѣренъ ни съ какими древними рукописями, но списанъ съ экземпляра Альдова, которому Стефанъ отдавалъ преимущество предъ базельскими, и исправленъ по филологическимъ указаніямъ Гоппера, Корнарія, Евсевія и другихъ. Что же касается до перевода, сдѣланнаго Иоанномъ Серрскимъ, то на латинскомъ языкѣ дотолѣ еще не было худшаго. *Serranus*, говоритъ Гуецій ¹, *sententiis contentus verba despexit, fidelem absque eo ac perspicuam, quam pollicetur, conversionem praestiturus.* А Бруккеръ ² обличаетъ его еще сильнѣе: *Serranus, cum Platonem non satis intelligeret, sententiam magis suam, quam Platonis expressit, ejusque verba contempsit et analysi scholastica peregrinam Platoni faciem induxit.* Не смотря на то, если не переводъ Иоанна Серрскаго, то греческій текстъ Платоновыхъ сочиненій, установленный Стефаномъ, долго перепечатываемъ былъ почти безъ поправокъ и критики. Даже и нынѣ ссылки

¹ de clarr. interpr. p. 289.

² Histor. Philos. T. I. p. 569.

на Платона дѣлаются обыкновенно по изданію Стефана. На это же изданіе указываютъ маргинальные знаки и въ моемъ переводѣ.

1590 *Лейденское*, или, по имени книгопродавца, *лемарское* и

1602 *Вехеланское*, подъ заглавіемъ: *Platonis opera omnia, quæ exsant, Marsilio Ficino interprete. Graecus contextus quam diligentissime cum emendationibus exemplaribus collatus est etc. Francofurti.*

1781 — 7 *Бупонтійское*, подъ заглавіемъ: *Platonis opera philosophi, quæ extant, græce, ad editionem Henrici Stephani accurate expressa, cum Marsilii Ficini interpretatione, въ XI томахъ въ 8 долю. Къ этому изданію присоединены различныя чтенія и содержанія Платоновыхъ разговоровъ, изложенныя Тидеманомъ.*

1813 слл. *Таухницево*—почти копія съ предъидущаго, въ VIII томахъ въ 8 долю. Первые три тома его, въ отношеніи къ греческому тексту, пересмотрѣны Беккомъ и провѣрены трудами критиковъ и филологовъ; а послѣдніе перепечатаны безъ всякой перемѣны.

1816 — 18. *Беккерово*, въ VIII томахъ, въ 8 долю, съ критическими замѣчаніями. Греческій текстъ его исправленъ чрезъ снесеніе всѣхъ лучшихъ кодексовъ Платона; а латинскій—Фициновъ, напечатанъ съ древнихъ списковъ безъ всякой перемѣны, чтобы могъ имѣть достоинство критическое. Къ этому изданію присоединены, кромѣ множества различныхъ чтеній, рункеніевы схоліи.

1849—27. *Астово* въ IX томахъ въ 8 долю. Въ немъ греческій текстъ изложенъ преимущественно по Альду, а латинскій есть переводъ самого Аста и отличается чрезвычайною точностію и близостію къ подлиннику. Впрочемъ,

заботливость о переводѣ буквальный нерѣдко заставляла переводчика упускать изъ вида естественность и ясность латинскаго выраженія.

1821—26. *Вейгелево*, въ XII томахъ въ 8 долю, есть не что иное, какъ изданіе беккерова, пересмотрѣнное Штальбомомъ, по замѣчаніямъ Баста, де-Фурія, Рудольфа и другихъ.

1833 слл. *Штальболово* издано на одномъ греческомъ языкѣ съ латинскими введеніями въ каждый разговоръ, съ обширными филологическими примѣчаніями, съ приложеніемъ различныхъ чтеній, указателей и проч. Это изданіе, и по вѣрности текста, и по основательности критики, и по богатству заключающихся въ немъ вспомогательныхъ способовъ для надлежащаго разумѣнія Платоновыхъ сочиненій, безспорно есть лучшее изъ всѣхъ, какія доселѣ выходили въ полномъ объемѣ.

Теперь слѣдовало бы обозрѣть разговоры Платона на языкахъ живыхъ; но литература новыхъ языковъ почти не представляетъ намъ нашего философа въ цѣломъ умственномъ его существѣ, въ полномъ составѣ его твореній: онъ разобранъ по частямъ, раскиданъ по-членно на пространства всего Европейскаго ученаго міра. Намъ доселѣ извѣстны только три изданія Платона, по крайней мѣрѣ не много недоведенныя до конца: первое въ 5 томахъ на языкѣ нѣмецкомъ — *Шлейермахерово*, заключающее въ себѣ 30 разговоровъ; второе—въ 12 томахъ на Французскомъ — *Кузенево*, состоящее изъ 33 сочиненій ¹; третіе

¹ Къ этимъ тремъ изданіямъ, кажется, надлежало бы присоединить еще Клейкерова: *Platons Werke, aus dem griechischen übersetzt in 6 Bände 1778—97*. Но я никогда не видѣлъ его, и потому не могу судить ни о достоинствѣ, ни о полнотѣ его.

въ 3 томахъ на Славянорусскомъ — *Пахомова*, содержащее 25 разговоровъ. Если возьмемъ въ расчетъ время выхода въ свѣтъ каждаго изъ нихъ, и средства, примѣнительно ко времени, бывшія въ рукахъ всѣхъ трехъ переводчиковъ; то безъ всякаго пристрастія отдадимъ преимущество нашему отечественному изданію. Пахомовъ съ своими помощниками переводилъ Платоновы сочиненія еще въ осьмомъ десяткѣ прошедшаго столѣтія, когда въ бібліотекахъ и западной Европы не находилось въ этомъ родѣ ничего лучше Стефанова подлинника, Корнаріевыхъ эклогъ и Фицинова перевода; а о другихъ побочных пособіяхъ, столь богатыхъ, каковы нынѣ, и особенно для всѣхъ 25 разговоровъ, нашему эллинисту и думать было невозможно. Не смотря на то, его переводъ, сравнительно, вѣрнѣе Кузенева и заключаетъ въ себѣ почти только два недостатка: одинъ тотъ, что Пахомовъ неправильно понималъ тонъ Платонова діалога и выражался слишкомъ педантски, безъ нужды облекая мысль философа въ славянскія формы; другой тотъ, что онъ яснѣе видѣлъ и выдерживалъ значеніе словъ, нежели мысли. Правда, по мѣстамъ у него встрѣчаются пропуски, или прибавки: но съ тогдашнимъ Русскимъ языкомъ можно ли было сдѣлать что-нибудь удачнѣе? Лучшій, не только изъ всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ переводовъ, но едва ли не единственно хорошій, есть переводъ Шлейермахеровъ. Шлейермахеръ строго выдерживаетъ мысль философа, не пренебрегаетъ и малѣйшими ея оттѣнками, старается уловить въ формы нѣмецкаго языка самую фразу подлинника и, при всемъ томъ, рѣдко бываетъ тяжелъ и теменъ. Что же касается до его критическихъ и филологическихъ замѣчаній, то, не вездѣ можно согласиться съ ними.

Чтобы обозрѣніе литературы Платоновыхъ сочиненій было полно, надлежало бы по возможности оцѣнить частныя ихъ изданія на древнихъ и новыхъ языкахъ, и пересмотрѣть пособія, служащія къ объясненію Платона: но подобныхъ изданій и пособій такъ много, что не только перечитать и обсудить, даже видѣть всѣ ихъ невозможно. По этому я укажу только на тѣ, которыя, по общему сужденію ученыхъ, заслуживаютъ особенное вниманіе.

Adrastus peripateticus писалъ о Тимеѣ. Нѣсколько отрывковъ его сочиненія находится у Порфирія *ad harmonica Ptolemæi* L. I. c. 5. p. 270.

Aelianus platonicus. Его сочиненіе разсмотрѣно и во многомъ одобрено Порфиріемъ.

Albinus. Его *Hypotheses Platonicæ et isagoge*, *περί τῶν Πλάτωνι ἀρεσκόντων*, говорятъ, сохраняются въ Ватиканѣ.

Aug. Arnold, *Platons Werke einzeln erklärt und in ihrem Zusammenhange dargestellt. Erster Theil*, 1836. Продолженія кажется еще не было. Въ первой части аналитически излагаются содержанія 18-ти разговоровъ и опредѣляется цѣль каждаго изъ нихъ.

Ast, *Platonis Symposium et Alcibiades I*, съ примѣчаніями, 1809.

— *Platon's Phædrus und Gastmahl*, 1807. Въ этомъ изданіи особенно одобряются комментаріи.

Ast *Platonis Phædrus*, 1810, съ примѣчаніями. Но въ X томѣ полнаго Астова изданія Платона, примѣчанія на Федра и Протагора гораздо обширнѣе.

— *Platonis Respublica*, 1814, и потомъ въ другой разъ 1820, съ учеными примѣчаніями.

F. Bast, *Kritischer Versuch über den Text des Platonischen Gastmahls*, 1793.

Bickerodii, Schediasma in Platonis Timæum, 1683.

Biester, Platonis dialogi IV, Meno, Crito, Alcibiades uterque, cum virorum doctorum animadversionibus, 1780.
Эту книгу впослѣдствіи два раза (1811 и 1820) пересматривалъ и издавалъ *Бутманъ*. Бистеру много содѣйствовали своими замѣчаніями *Гедике*, *Шнейдеръ* и *Готлеберъ*.

Bæch Simonis, Socratici, ut videtur, dialogi IV: de lege (Minos), de lucri cupiditate, de justo ac virtute. Additi sunt incerti auctoris dialogi, Eryxias et Axiochus, 1810, съ критическимъ введеніемъ.

— über die Bildung der Weltseele im Timæus des Platon.

In Daubii et Creuzeri studiis, Vol. III. 1806. p. 1—90.

— Specimen editionis Timæi, Platonis dialogi, 1807.

— de Platonico systemate cœlestium globorum et de vera indole astronomiæ philolaicæ, 1810.

Boissonade, Excerpta ex Procli scholiis in Cratylum Platonis, 1820.

Busteed, Platonis Menexenus et Lysiæ oratio funebris, 1686, съ переводомъ и краткими примѣчаніями Филельфа.

Creuzer, Initia philosophiæ ac theologiæ ex Platonis fontibus ductæ, sive Procli Diadochi et Olympiodori in Platonis Alcibiadem commentarii, 1820—25, въ 4 частяхъ, изъ которыхъ въ первой содержатся комментаріи на Алкивиада, во второй—схоліи Олимпіодора, въ третьей—богословскія наставленія Прокла, въ четвертой—опроверженія Прокловыхъ наставленій, сдѣланныя Николаемъ Метоненскимъ.

Engelhardt, Platonis Laches, Apologia Socratis, Euthyphro et Menexenus, 1826, съ примѣчаніями.

- Ettwallus, Platonis Hipparchus et Alcibiades uterque, 1779.
- Van Eys, Disputatio de Platone Mosaizante, 1715.
- Findissen, Platonis Gorgias, 1796, съ подробнымъ указателемъ греческихъ словъ и различныхъ чтеній; но издатель не показалъ знанія грамматическихъ тонкостей.
- Fischer, Platonis Euthphro, Apologia Socratis, Crito, Phædo, græce, 1783. Это изданіе замѣчательно по хорошему снесенію различныхъ чтеній въ древнихъ кодексахъ.
- Platonis Philebus et Symposium, græce, съ примѣчаніями, направленными преимущественно къ показанію различія древнихъ изданій.
 - Platonis dialogi duo, Cratylus et Theaetetus, 1770.
 - programmata отъ 1701 до 1798, въ которыхъ разсмотрены первыя шесть отдѣленій Кратила; но въ этихъ разсмотреніяхъ иногда безъ нужды много говорливости.
- Forster, Platonis dialogi V (Amatores, Euthphro, Apologia, Crito, Phædo), 1752. Особенно одобряется переводъ этого изданія.
- Foxii Morzilli Hispalensis, commentarius in X Platonis libros de republica, 1556. Изданіе болѣе обширно, чѣмъ учено.
- Morzilli, Commentarius in Platonis Timæum, 1554.
- Gedike, Platonis Meno, Crito et Alcibiades uterque. Нѣмецкій переводъ съ хорошими и довольно подробными замѣчаніями. Эта книга была издана два раза, 1781 и 1822.
- Götz, Platonis Parmenides mit philosophischen Anmerkungen, 1825.
- Gottleber, Platonis Menexenus et Periclis Thucididis ora-

tio funebris, 1782, съ примѣчаніями, изъ которыхъ особенно хороши историческія.

Haenisch, *Lysiae amatorius*, 1827, graece. Сочинитель изслѣдываетъ: Лизіасу ли принадлежитъ извѣстная рѣчь въ Платоновомъ *Федръ*, или самому Платону, и защищаетъ первое мнѣніе.

Heindorf, *Platonis dialogi tres, Phaedo, Sophista, Protagoras*, 1810. Этотъ филологъ вообще отличается знаніемъ грамматическихъ тонкостей, но въ изъясненіи мыслей очень часто невѣренъ.

— *Platonis libri IV, Gorgias, Apologia Socratis, Charmides, Hippias major*, 1805, съ краткими критическими примѣчаніями на Апологію Сократа.

— *Platonis dialogi duo, Gorgias et Theaetetus*, 1805, съ приложеніемъ замѣчаній Бутмана. Изданіе отличное.

— *Platonis dialogi IV, Lysis, Charmides, Hippias major, Phaedrus*, 1802 и въ другой разъ 1827, съ непрерывными примѣчаніями и поправками Бутмана по Беккеру.

— *Platonis dialogi tres, Cratylus, Parmenides, Euthydemus*, 1806, съ примѣчаніями.

Van Heusde, *Spesimen criticum in Platonem*, 1803. Эта книга заключаетъ въ себѣ прекрасныя критическія замѣчанія на многіе разговоры Платона.

Kirchmayer, *Exercitatio de Platonis Atlantide*, 1685, — сочиненіе полезное для проясненія нѣкоторыхъ мѣстъ Платонова *Тимея*.

Knebelius, *Platonis dialogi tres, Theages, Amatores, Io*, 1833, съ примѣчаніями и введеніями. Изданіе весьма хорошее.

Körppen, *Platon's Alcibiades der zweite*, 1786. Къ этому изданію приложены нѣсколько филологическихъ примѣчаній и содержанія разговоровъ.

- Köppen**, Platon's Menexenus im Grundriss nebst Anmerkungen. Kraft, de notione philosophiae in Platonis Erastis obvia 1786.
- Это сочиненіе, кромѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о значеніи справедливости и разсудительности въ смыслѣ Платона, заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ содержанія.
- Kuhnhardt**, Platon's Phaedon mit besonder Rücksicht auf die Unsterblichkeitlehre erläutert und beurtheilt, 1817.
- Lange**, Specimen criticum in Platonis Critonem, 1821.
- Lichtenstädt**, Platon's Lehren auf dem Gebiete der Naturforschung und der Heilkunde, 1826. Сочиненіе полезное при объясненіи Тимея.
- Lindau**, Platonis Timaeus, 1828, свѣренный съ лучшими изданіями и снабженный непрерывными примѣчаніями.
- Epistola critica de locis quibusdam Timaei, 1803.
- Novum in Platonis Timaeum et Critiam conjecturarum atque emendationum specimen, 1816.
- Vit. Lörs**, Platonis Menexenus, 1824; переводъ съ Греческаго на Латинскій, съ примѣчаніями и мнѣніемъ Аста, что Менексенъ написанъ не Платономъ.
- Massej**, Platonis de republica, sive de justo libri X, съ исправленнымъ переводомъ и примѣчаніями, 1713, въ 2 частяхъ. Критическія замѣчанія не одобряются; хорошо только снесеніе мнѣній древнихъ и новыхъ философовъ съ мнѣніями Платона.
- Meursius**, Platonis Timaeus a Chalcidio latine versus, cum jusdem in eundem commentario, 1617.
- Morgenstern**, Symbolae criticae in Platonis Critonem.
- Commentationes tres de Platonis Republica, 1794.
- Symbolae criticae in Platonis Politicam, 1815.
- Müller**, Platonis Io, sev dialogus de furore poëtarum, 1782, съ примѣчаніями.

- Nitsch, Platonis Io, 1822, также съ примѣчаніями.
- Car. Nürnberger, Platonis Alcibiades I et II, 1796.
- Оболенскій, Платоновы разговоры о законахъ, 1827. Переводъ довольно близкій, вѣрный и легкій.
- Pinzger, Specimen novi commentarii in Euthydemum, доведенъ до стр. 272 А. 1834.
- Plutarchi, opuscula de animae creatione et de musica, идутъ къ объясненію Тимея.
- Procli commentarius in Timaeum, 1534, но не весь, а доведенъ только до стр. 44. С; слишкомъ обширенъ и утомителенъ; особенно много аллегорій.
- Mich. Psellus, *εις την Πλάτωνος ψυχολογίαν*, v. Allatium de Psellis p. 87, et 91.
- Regius. Timée de Platon, 1557.
- Routh, Platonis Euthydemus et Gorgias, 1784, съ примѣчаніями, изъ которыхъ особенно хороши историческія и критическія.
- Schlosser, Platon's Briefe, mit einer historischen Einleitung und Anmerkungen.
- Schmidt, Parmenides, als dialectisches Kunstwerk, 1821.
- Sturzmann, de republica, *Πλάτωνος πολιτεία*, graece et latine, cum animadversionibus criticis et argumentis atque commentationibus de totius operis argumento, ingenio, partibus, codicibus scriptis, 1817, и во второй разъ 1818.
- Susemihle, die genetische Entwicklung der Platonischen Philosophie. 3 B. 1855. Книга, особенно хорошо объясняющая философское значеніе діалоговъ Платона.
- Tiedemann, dissertatio de doctrina Platonis de materia in vol. I. Biblioth. Götting. Philolog. nov. Fasc. I. part. I.

Timaei, lexicon vocum Platoniarum, съ примѣчаніями Рункена, 1789.

Tirsch, Specimen editionis symposii Platonis, 1808.

Vernsdorf, notae in Platonis Critonem et Alcibiadem I. 1815.

Windishmann, Platon's Timaeus, 1804.

Winkelmann, Platonis Euthydemus, 1833, съ примѣчаніями, введеніями и схоліями. Къ сему изданію приложена книга Аристотеля de elenchis Sophistarum. Руководство превосходное.

Wittenbach, Platonis Phaedo, 1810, объясненный введеніемъ и примѣчаніями,—изданіе полное учености и познаній; но мало критики и неровенъ переводъ.

Wolf, Platonis dialogorum delectus, pars I. Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, 1812, съ Латинскимъ переводомъ.

— **Platon's Gastmahl** на Греческомъ, съ примѣчаніями. Книга, по тогдашнему времени, хорошая.

— **Zu Platon's Phaedon** 1811 ¹.

Изъ этихъ изданій Платона и стороннихъ пособій для изясненія его сочиненій, я имѣлъ подъ рукою немногія. Главными же руководителями моими были Стефанъ, Астъ, Шлейермахеръ и Штальбомъ: ихъ глубокимъ изслѣдова-ніемъ я обязанъ болѣе, чѣмъ собственнымъ своимъ усиліямъ.

¹ Я не упоминаю о древнихъ рукописныхъ экземплярахъ сочиненій и объяснителей Платона. Число ихъ во всѣхъ Европейскихъ бібліотекахъ восходитъ выше трехъ сотъ. Подробный каталогъ ихъ сдѣланъ Фридрихомъ Фишеромъ. См. Platonis Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, Phaedo, graece ex recens. Fr. Fischer. Lips. 1783. Немогу утверждать, чтобы кромѣ указанныхъ мною изданій, не было и другихъ, излагающихъ или объясняющихъ сочиненія Платона; вижу указанія на труды Целлера, Штейнгарта и другихъ. Но эти труды не доходили до моихъ рукъ, и потому я ничего не могу сказать о ихъ достоинствѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

(КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ).

Уже болѣе двадцати лѣтъ прошло съ той поры, какъ изданы были мною два тома сочиненій Платона. Условія изданія зависѣли тогда не отъ меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ не въ моей власти было сообщить изданію тѣ или другія внѣшнія качества. Не смотря однакожь ни на что внѣшнее, тогдашняя критика была ко мнѣ очень снисходительна и, оцѣнивая внутреннія достоинства изданной мною книги, встрѣтила ее привѣтливо и почтила меня самыми лестными отзывами. Эти отзывы были единственною наградою за мой трудъ и принесли мнѣ по крайней мѣрѣ нравственную пользу въ томъ отношеніи, что съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени я не разставался съ Платономъ и не закончилъ изданія двумя томами. Правда, служебныя занятія немного давали мнѣ досуга для приготовленія къ изданію неизданныхъ еще діалоговъ любимаго моего философа: за то, сколько оставалось у меня свободныхъ часовъ, — я посвящалъ ихъ Платону болѣе чѣмъ съ удовольствіемъ. Такимъ образомъ оригиналъ мало по малу накоплялся, куча исписанной бумаги время отъ времени утолщалась, и случалось, что взглянувъ на нее, я съ грустью припоминалъ высказанную мнѣ когда-то однимъ двигателемъ *русскаго*

народнаго просвѣщенія обидную хулу на родной нашъ языкъ, будто онъ не можетъ принять формъ Платоновой рѣчи. Да съ русскимъ языкомъ чего нельзя сдѣлать въ области филологіи! Славянорусъ, кажется, по самому языку филологъ, какъ Германецъ по языку философъ, а Италианецъ по языку поэтъ. Я не говорю конечно о тѣхъ, хорошо понимаемыхъ, но отнюдь не передаваемыхъ особенностяхъ греческаго языка, которыя выработаны его гениемъ, какъ черты завѣтныя, порожденныя своеобразностію народной жизни и характеромъ взаимнаго отношенія древнихъ Грековъ. Такіе идіотизмы можно встрѣчать въ письменности каждаго общества, и преимущественно у тѣхъ писателей, которые глубоко отличали законы домашняго своего говора отъ общеевропейскаго, и выражали характеристическіе оттѣнки родной мысли, какъ она зародилась и образовалась въ духѣ народа, подъ извѣстными условіями его жизни. Надобно согласиться, что такихъ особенностей въ языкѣ древне-греческомъ больше, нежели во всѣхъ позднѣйшихъ, которые чѣмъ далѣе развиваются, тѣмъ ближе, въ законахъ своего развитія, подходятъ одинъ къ другому. Взаимное сближеніе обществъ ложится въ основаніе взаимнаго сближенія языковъ и сглаживаетъ ихъ своеобразности; тогда какъ языкъ древнихъ Грековъ, развиваясь во множествѣ собственныхъ своихъ нарѣчій, получалъ формы самостоятельно. Нельзя отвергать и того, что рѣчь Платона оригинальнію и характеромъ своего склада изумляла самыхъ современныхъ ему Грековъ: введеніе въ языкъ множество новыхъ словъ, отчетливый до мелчайшихъ подробностей составъ фразы, удивительная изворотливость въ соединеніи выраженій, тончайшіе оттѣнки мыслей, схваты-

ваемые ловкимъ употребленіемъ частицъ, — все это слагалось въ особенный типъ рѣчи великаго философа и заставляло, при чтеніи, вдумываться въ нее почти непрерывно. Поэтому, нечего и говорить, что Платоновъ языкъ, когда хотятъ перелагать его на нынѣшнюю живую рѣчь со всею точностію, представляетъ величайшія затрудненія. Но тутъ-то и дознается превосходство русскаго языка предъ всѣми романскими и кельтическими нарѣчіями. Принявъ въ основаніе славянскія формы, сроднившія его съ формами широко развитаго въ этимологическомъ отношеніи языка греческаго, онъ получилъ необыкновенную гибкость и возможность выражать самомалѣйшіе оттѣнки мысли; а сблизившись съ законами фразеологіи языковъ кельтическихъ, онъ приобрѣлъ способность дѣлать свою рѣчь, когда нужно, сжатою, сильною, энергическою и быстрою, — такую способность, которой позавидовали бы и Софоклы. Пользуясь этими-то преимуществами русскаго языка, незабвенный Гнѣдичъ могъ оставить намъ такой переводъ Иліады, съ которымъ въ близости и точности не равняется ни одинъ изъ западно-европейскихъ переводовъ той же книги. Пробоваль и я, сколько могъ, гибкость и богатство родной нашей рѣчи на языкѣ Платона, и хотя сознавалъ недостаточность лексикографическихъ и грамматическихъ ея способовъ, но, если исключить пословицы и этимологическія принаровленія, — сознавалъ только въ немногихъ случаяхъ. Невозможно было передать буквально лишь нѣкоторыя формулы и термины, характеризовавшіе соціальныя отношенія Грековъ, каковы, на примѣръ, звательные — ὦ γαῖε, ὦ δαιμόνιε, ὦ κάλλιστε, и т. п. Нельзя было также выдержать по русски буквальный смыслъ и нѣкоторыхъ отвѣтныхъ

формуль въ діалогѣ Платона, каковы: *ἔγωγε, ἔμοιγε, πάνυ μὲν οὖν, παντάπασι μὲν οὖν, καὶ μάλα, σφόδραγε, πολύγε*. И эти ідіотизмы я долженъ былъ выражать, примѣняясь больше къ намѣренію философа, чѣмъ слѣдуя собственному значенію употребляемыхъ имъ словъ.

Въ числѣ затрудненій, представлявшихся мнѣ при переводѣ Платона на русскій языкъ, было и произношеніе собственныхъ именъ; и это зависѣло уже конечно не отъ греческаго или русскаго языка, а отъ исторіи научнаго нашего образованія. Извѣстно, что у древнихъ Грековъ почти всѣ гласныя произносимы были двояко — въ однихъ слогахъ гортанью, въ другихъ — полостію рта, отъ чего и происходила мелодичность ихъ говора. Но гортань римская и славянская не принимала участія въ произношеніи гласныхъ буквъ. Отсюда, при переложеніи собственныхъ именъ на латинскій или славянскій языкъ, можно было либо слѣдовать одному буквенному составу ихъ въ греческомъ, либо, вмѣстѣ съ буквами, стараться удерживать также гортанное или негортанное ихъ произношеніе. Первый способъ усвоили себѣ Славяне, а послѣдній — Римляне, и предъ гортанною гласною ставили букву *h*. По этому одно и тоже собственное имя у Славянъ произносилось, наприм. Иродъ, а у Римлянъ *Herodes*. Такое же несогласимое различіе органовъ — римскаго и славянскаго было и въ отношеніи къ греческой гласной *η*, которую Римляне произносили какъ *e*, а Славяне, какъ *и*. Послѣ сего естественно возникаетъ вопросъ: кому лучше слѣдовать, перелагая собственные имена съ греческаго на русскій языкъ? римскаго ли держаться способа, или славянскаго? Судя по тому, что мы, по происхожденію, Славяне, надобно бы конечно предпо-

честь произношеніе славянское: но на научное наше развитіе въ продолженіе послѣднихъ двухъ сотъ лѣтъ имѣлъ столь сильное вліяніе языкъ латинскій со всеми романскими его отраслями, что терминологія собственныхъ именъ изъ области исторіи, географіи, медицины, философій и проч. сдѣлалась для насъ весьма привычною; такъ что теперь какъ будто и странно уже Гераклита называть Иракли-томъ, Филеба — Филивомъ, и т. д. Съ другой стороны, нельзя однакожь не замѣчать, что при всемъ вліяніи западной интонаціи на нашу рѣчь, въ отечественномъ нашемъ органѣ, относительно произношенія собственныхъ именъ, сохранилось все еще много роднаго, славянскаго; народная память, покровительствуемая преимущественно языкомъ священнымъ и церковнымъ, никакъ не хочетъ и не можетъ разстаться съ звуками нѣкоторой до-Петровской номенклатуры, и называть Ираклія Геракліемъ, Исихія—Гезихіемъ, Ипполита — Гипполитомъ и т. д. Къ славянскому произношенію многихъ собственныхъ именъ немало сверхъ того приучили насъ въ прошедшемъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія и нѣкоторые свѣтскіе наши писатели, хорошо понимавшіе сродство коренныхъ законовъ нашей грамматики съ языкомъ Кирилла и Меѳодія, а чрезъ нихъ и съ конструкціею языка греческаго. Благодаря имъ, мы теперь не задумываемся называть Гомера Омиромъ, Гезіода — Исіодомъ, Геру — Ирою и т. д. Подражая этимъ писателямъ и раздѣляя ихъ убѣжденіе, старался и я, гдѣ только можно было безъ дикости и странности, возвращать произношеніе собственныхъ именъ къ способу славянскому и очищать русскую рѣчь съ этой стороны отъ чуждаго и несроднаго ей характера. Такимъ-то моимъ направленіемъ

пусть объясняютъ филологи, что Демосеенъ у меня пишется Димосееномъ, Ктезиппъ—Ктизиппомъ, Аристодемъ—Аристодимомъ, и т. д. Касательно собственныхъ именъ считаю нужнымъ сказать еще то, что всѣ оканчивающіяся по гречески на *ος* и *ης*, (исключая *Λάχης*) я передавалъ по русски въ формѣ усѣченной, напр. *Απολλοδόρος* писалъ Аполлоторъ, *Σωκράτης* — Сократъ; а всѣ имѣющія окончаніе *ις*, *ων* и *ας* (исключая *Προτάγορας*) произносилъ и писалъ по русски почти такъ же, какъ они произносятся и пишутся по гречески, напр. *Πλάτων* — Платонъ, *Γλαύκων* — Главконъ, *Παυσάνιας*—Павзаниасъ, *Κλείνιας*—Клиніасъ, *Λυσις* — Лизисъ, и проч.

Не боясь никакихъ внутреннихъ препятствій къ изданію на русскомъ языкѣ Платона, я однакожь долго не рѣшался приняться за это дѣло: меня пугала сомнительная судьба многотомныхъ твореній въ такомъ родѣ, каковъ философскій. Найдеть ли у насъ Платонъ довольно читателей? Эта мысль долго колебала меня: я думалъ, передумывалъ, представлялъ направленіе нынѣшняго образованія, соображалъ требованія современнаго общества, вслушивался въ толки о философіи, ожидалъ внушеній Сократова генія; но ничто не просвѣтляло моей мысли и не склоняло ея къ чему нибудь опредѣленному. Одно только обстоятельство дѣлало легкой перевѣсъ въ пользу изданія: это — пробужденіе духовенства къ развитію въ своей средѣ учено-литературной дѣятельности и стараніе министерства возстановить на кафедрахъ его училищъ здравую и плодоносную въ своихъ основаніяхъ филоефію. Почему же, думалъ я, въ такую пору всеобщаго стремленія къ установленію прочной учености въ Россіи не пригодились бы идеи Плато-

на, когда и въ прежнія времена, за три вѣка предъ этимъ, его именно твореніями открывалась эпоха возрожденія наукъ на западѣ Европы? — Итакъ рѣшено: печатать и, если Богъ поможетъ, довести изданіе до совершенной полноты. При этомъ представлялся мнѣ и другой вопросъ: надобно ли ограничиться только продолженіемъ изданія, то есть печатаніемъ 3-го, 4-го, 5-го и т. д. томовъ, или приступить къ изданію второму, начавъ его съ тома 1-го? Мысль о продолженіи изданія показалась мнѣ неосуществимою; потому что, при нынѣшнемъ усовершеніи русской прессы, я не нашель бы ни такой бумаги, на какой напечатаны первые два тома, ни такого шрифта, какимъ они напечатаны. По этому надлежало начать сначала. Но пользуясь необходимостію перепечатанія двухъ первыхъ томовъ, я счель не лишнимъ кстати пересмотрѣть ихъ текстъ и снова свѣрить его съ текстомъ греческимъ. Горацийъ сказалъ же: *opus nonum premetur in annum*; а мой трудъ изданъ былъ не за 9, а за 22 года назадъ; слѣдовательно нѣтъ ничего естественнѣе, что нынѣшній переводчикъ могъ во многомъ исправить прежняго и даже по мѣстамъ сгладить нѣкоторыя неровности русскаго его выраженія.

Ревнуя о чести русской литературы, я старался, чтобы русскій нашъ Платонъ не уступалъ ни одному изъ иностранныхъ—не только въ вѣрности и возможной точности перевода, но и въ приложеніяхъ, облегчающихъ чтеніе и пониманіе великаго философа. По этому, согласно высказанному мною прежде обѣщанію, я каждому діалогу предпосылаю введеніе, съ цѣлію показать его планъ и содержаніе, и, гдѣ нужно, объясняю отдѣльныя мысли подстроч-

ными историческими, философскими и частью филологическими примѣчаніями, а въ заключеніе надѣюсь снабдить изданіе и подробными указателями.

Желалъ сдѣлать хорошее и хорошо, — это знаетъ моя совѣсть; а сдѣлалъ ли, — пусть судятъ люди, знающіе дѣло.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ
ПЛАТОНА.

ЖИЗНЬ ПЛАТОНА.

Биографы Платона несогласны въ своихъ мнѣніяхъ о времени его рожденія: одни полагаютъ, что онъ родился во второмъ ¹, другіе въ четвертомъ ² году 87 олимпіады, а ише въ первомъ ³ 88. Но всѣ согласны въ томъ, что онъ умеръ въ третьемъ году 108 ол. (348 до Р. Х.), и что прожилъ около 81 года ⁴. Основываясь на этихъ двухъ несомнѣнныхъ показаніяхъ, и ими, какъ данными, опредѣляя неизвѣстное, мы заключаемъ, что Платонъ родился въ третьемъ году 87 ол. (429 до Р. Х.), и при томъ, по изслѣдованію Аста ⁵, 7 Таргеліона, который соотвѣтствуетъ нашему Маю. Мѣстомъ рожденія Платона Діогенъ Лаерцій (III, 3) почитаетъ островъ Эгину и подтверждаетъ свое показаніе тѣмъ, что въ третьемъ году 87 ол. Аѳиняне, изгнавъ Эгинянъ, населили островъ но-

¹ По показанію Неанта у *Diog. L.* III 3.

² *Nunnesius ad vit Arist.* p. 34. 76 sqq. *Dodwell. de cyclis. dissert.* X. § 80 p. 609.

³ *Diog. L.* III. 2. *Scalig. Euseb. chron,* 1592. p. 100. *Tenneman Syst. d. Plat. Philos.* B. 1 p. 5.

⁴ *Diog. L.* III. 2.; *Cicer. de senect.* 5; *Senec. Epist.* 58 § 27.

⁵ *Ast Platons Leben und Schriften* S. 14.

выми жителями, между которыми могъ быть и Аристонъ, отецъ Платона ¹. Что же касается до происхожденія нашего философа, то древнiе, можетъ быть, принося дань удивленія генiю своего вѣка, говорятъ объ этомъ много баснословнаго. Вѣрно только то, что Платонъ, по матери своей Периктионѣ, которая была дочь Главка и сестра Хармида, происходилъ отъ Солона, а по отцу, Аристону, — отъ знаменитаго Аѣинскаго государя Кодра ².

Воспитанiе Платону было дано соотвѣтственное высокому его происхожденiю. Образованiемъ его занимались отличнѣйшiе наставники того времени: грамматикѣ учился онъ у Дiонисiя, гимнастикѣ у Аристона Аргивянина ³, который ⁴ за прекрасную наружность, открытое чело и счастливое тѣлосложенiе своего ученика, далъ ему имя «Платона,» вмѣсто прежняго имени «Аристокла». Въ гимнастикѣ Платонъ оказалъ столь великiе успѣхи, что на Истмiйскихъ и Пиѣйскихъ играхъ явился въ качествѣ публичнаго атлета. Музыку преподавали ему — Аѣинянинъ Драконъ, ученикъ славнаго Дамона ⁵ и Агригентинецъ Метеллъ ⁶. Платонъ занимался также живописью; но съ

¹ *Corsini fast. attic.* Т III. p. 230. sqq.

² Греки называли Платона божественнымъ—или потому, что его предки, Солонъ и Кодръ, производили свой родъ отъ Нептуна, или потому, что его учене отличалось особенною высотой и почти всегда обращалось къ чувству религиозному. Впрочемъ древность не затруднялась въ присканiи основанiя для подобныхъ названiй. Спевзиппъ, племянникъ Платона, выдумалъ басню, что дядя его родился не отъ Аристона, а отъ Аполлона, еще въ дѣтствѣ Периктионы, и что дивный даръ слова, которымъ обладалъ Платонъ, былъ предзнаменованъ въ младенчествѣ его роємъ пчелъ, который, влетѣвъ къ нему въ уста, когда онъ спалъ, положилъ въ нихъ сотъ. *Apul. de dogm.* Pl. p. 249.

³ *Diog. Laert.* III. 4.

⁴ Tzetzes утверждаетъ, что имя Платона дано ему Сократомъ. *Chil.* 6. *hist.* 51, *Chit.* II *hist.* 390. Поводъ къ этому названiю понимаютъ различно: одни,—ὅτι πλατύσωμος (широкотѣлый) ἦν. *Senes. epist.* 58; другiе,—propter πλατὺν, copiosum atque apertum dicendi genus. *Plin. Lib.* 1. *epist.* 10; а Тимонъ Силлографъ имя Платона производитъ отъ πλάσσει образовать,—ὡς ἀνέπλωσε Πλάτων πεπλασμένα θαύματα εἰδώς.

⁵ *Olymp.* p. 77.

⁶ *Plut. de musica* p. 1136.

особенною ревностію упражнялся въ поэзіи и написалъ нѣсколько лирическихъ, трагическихъ и героическихъ сочиненій, которыя однакожь впоследствии сжегъ ¹ и сдѣлался врагомъ стихотворства ². Древніе писатели говорятъ, что онъ даже служилъ въ войскѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Танагрѣ, Коринѣ и Делосѣ ³. Но это показаніе вовсе несправедливо; потому что во время сраженія при Танагрѣ (88, 3 ол.) Платону не могло быть болѣе четырехъ лѣтъ, а въ битву Делосскую ему было около шести.

Прежде нежели Платонъ вступилъ въ число Сократовыхъ учениковъ, Кратилъ познакомилъ его съ философіею Гераклита: такъ говорятъ Аристотель и Апулей ⁴. Но по свидѣтельству Діогена Лаерція и Олимпіодора ⁵, Платонъ слушалъ Кратила уже послѣ смерти Сократа, и его именемъ назвалъ одинъ изъ своихъ разговоровъ. Изъ этого разговора видно, что Кратилъ дѣйствительно былъ послѣдователемъ Гераклита; но Платонъ не обнаруживаетъ къ нему уваженія, какъ къ своему учителю, а смотритъ на него, только какъ на памятную книгу Гераклитовыхъ мнѣній. По этому свидѣтельству Аристотеля можно понимать такъ, что Платонъ еще въ юношествѣ изучилъ Гераклита посредствомъ дружескаго собесѣдованія съ Кратиломъ. Діогенъ Лаерцій (III 6) къ числу Платоновыхъ учителей относитъ также и Гермогена, послѣдователя Парменидова, значить, ученика Элейской школы. Этотъ фактъ, по догадкѣ Теннемана ⁶, найденъ слѣдующимъ обра-

¹ *Ἐξαίστε, πρόμολ' ὄδῃ, Πλάτων νῦν σείο χατίρισι: (Ифестъ! приди сюда; Платону ты теперь нуженъ) сказалъ Платонъ, бросая въ огонь свои стихотворенія.

² Известно, что поэзію Платонъ изгналъ изъ идеальнаго своего государства. De Rep. 11. p. 377 sqq.

³ Diog Laert. III. 8. Aelian. V. H. VII. 14.

⁴ Arist. metaph. 16; Apuleus p. 2. et antea quibem, dicit, Heracliti secta fuerat imbutus.

⁵ Diog. L. III. 6.

⁶ Tenneman Syst. d. Plat. Philos. B. I. p. 10.

зомъ: основываясь на словахъ Аристотеля, что Платонъ слушалъ философію Гераклита у Кратила, заключили, что учителемъ его былъ тотъ самый Кратиль, именемъ котораго онъ называлъ одинъ изъ своихъ разговоровъ; а какъ въ этой же бесѣдѣ разговариваетъ и Гермогенъ, послѣдователь Элейской школы, то, для разнообразности, почли и его учителемъ Платона. Несомнѣнно въ этомъ отношеніи то, что Платонъ еще съ раннихъ лѣтъ занимался философіею Пифагора и Анаксагора: это видно изъ тѣхъ разговоровъ, которые написаны имъ при жизни Сократа. Но какъ онъ изучалъ Пифагора? — изъ сочиненій ли, напримѣръ, Филолая, или устно, чрезъ Пифагоровыхъ послѣдователей, — опредѣлить трудно.

Имѣя около двадцати лѣтъ отъ роду (92, 3 ол.), Платонъ вступилъ въ число слушателей Сократа ¹ и былъ ученикомъ его въ продолженіе десяти лѣтъ ². Эліанъ, Діогенъ, Апулей и другіе, описывая этотъ періодъ Платоновой жизни, снова примѣшали много вымысловъ; такъ что сказаній ихъ, безъ строгой критики, нельзя принять за истинныя. Нѣсколько вѣроятныя свѣдѣнія, относящіяся къ этому времени, состоятъ въ томъ, что Платонъ приходилъ въ судъ, какъ защитникъ обвиняемаго Сократа, что судьи приказали ему сойти съ кафедры ³, что онъ, вмѣстѣ съ Критономъ, Критовуломъ и Аполлодоромъ, совѣтовалъ Сократу присудить себѣ къ денежному штрафу (въ 30 минъ) и вызывался внести его ⁴.

¹ Діогенъ Лаерцій (III 5) рассказываетъ, что Сократъ видѣлъ во снѣ, будто молодой лебедь, оперившись на груди его, вдругъ распростеръ крылья, взлетѣлъ высоко и огласилъ воздухъ восхитительною пѣснью. Когда послѣ того Аристонъ привелъ къ нему Платона, — старецъ-философъ вскричалъ: «вотъ мой лебедь!»

² Сократъ умеръ въ 95, 1 ол. или за 400 л. до Р. X.

³ *Diog. Laert.* II. 41. *Menag.* p. 94.

⁴ Такъ говорится въ апологіи Сократа.

По смерти Сократа, Платонъ, вмѣстѣ съ другими его учениками, переѣхалъ въ Мегару къ Эвклиду ¹. Этотъ переѣздъ долженъ былъ случиться на 31, а не на 28 году его жизни, какъ утверждаетъ Діогенъ (III, 6). Потому онъ ѣздилъ въ Кириною къ математику Θεодору, и въ Италию — къ Пифагорейцамъ. Древніе писатели о путешествіяхъ Платона рассказываютъ не одинаково. Одни ² говорятъ, что онъ прежде путешествовалъ въ Египетъ, а потомъ въ Италию; другіе, ³ напротивъ, что прежде въ Италию, а потомъ въ Египетъ. По словамъ Діогена Лаерція (III 6), Платонъ сначала отправился въ Кириною къ Θεодору, а послѣ въ Италию и Сицилію. Это сказаніе достовѣрнѣе потому, что на обратномъ своемъ пути изъ Сиракузъ въ Аѣины, онъ былъ высаженъ и проданъ. При томъ Цицеронъ говоритъ: *Sed audisse te credo, tum vero Platonem, Socrate mortuo, in Aegyptum discendi causa, post in Italiam contendisse*. Также въ книгѣ *de finibus*: *nisi enim id faceret, cur Plato Aegyptum peragravit, ut a sacerdotibus barbaris numeros et coelestia acciperet? Cur post Tarentum ad Arhytam? Cur ad reliquos Pythagoreos, Echecratem, Timaeum, Locros?* Изъ словъ нѣкоторыхъ писателей можно заключать, что Платонъ путешествовалъ и по Азіи. Такъ Цицеронъ говоритъ ⁴: *Ultimas terras Iustrasse Pythagoram, Democritum, Platonem accepimus*. Но еще яснѣе Лактанцій ⁵: *Soleo mirari, quid cum Pythagoras et postea Plato amore indagandae veritatis accensi, ad Aegyptios et Magos et Persas usque penetrassent, ad Iudaeos tantum non accesserint*. По словамъ Климента Александрійскаго ⁶, Платонъ у Вавилонянъ изучалъ астрономію, у Ассиріянъ — ихъ мудрость, у Евреевъ — ихъ законы и религію; а по

¹ *Diog. Laert.* II. 106.

² *Cicer. de finib.* V. 29. *Val. Max.* VIII. 7. 3.

³ *Quintil. inst. orat.* 1. 12—§ 15. *Apulei* p. 2.

⁴ *Tuscul. quaest.* IV 19.

⁵ *Inst.* IX. 2.

⁶ *Admonit. de gent.* p. 46. A.

Олимпіодору, онъ посѣщаль и Финикію. О цѣли его путешествій древніе писатели говорятъ различно. По свидѣтельству Цицерона ¹, онъ путешествоваль въ Египеть для того, чтобы у тамошнихъ жрецовъ учиться ариметикѣ и астрономіи, а по сказанію Квинтиліана ², чтобы вступить въ таинства Египетской религіи. Впрочемъ, странно было бы представлять какую - нибудь опредѣленную цѣль его путешествій: люди мыслящіе, во всѣ времена любили обогащаться познаніями различныхъ странъ свѣта; а въ древности для Грековъ какая страна могла быть привлекательнѣе Египта, — отечества Эллинскаго образованія, сокровищницы восточной мудрости? По словамъ Діогена Лаерція (III 6), спутниками Платона были, Эврипидъ и Книдіецъ Эвдоксъ ³. Но Эврипидъ умеръ въ 93, 2 ол.; слѣдовательно не могъ сопутствовать Платону. Во время Страбона, въ Иліополисѣ показывали еще мѣсто, гдѣ жили Платонъ и Эвдоксъ ⁴. Діогенъ говоритъ, что они находились тамъ тринадцать лѣтъ (не три ли только?) и введены были въ таинства Египетскихъ жрецовъ. Плутархъ въ спутники Платону даетъ еще Симміаса, ученика Сократова ⁵.

Въ Кириинѣ у Θεодора Платонъ учился математикѣ: такъ говоритъ Апулей (*De habit. Doctr. Plat.* p. 2). Но математикъ Θεодоръ, котораго, еще прежде смерти Сократа, слушали многіе молодые Аѳиняне, изображается въ Платоновомъ Теэтетѣ просто, какъ эмпирической геометръ и послѣдователь Пифагора. Въ этомъ разговорѣ Сократъ какъ будто шутитъ надъ нимъ и вызываетъ его

¹ De fin. V. 29.

² Inst. orat. 1, 12. § 15. *Lucan. Phars.* X. 181. *Georg. Cedren. synops. hist.* T. 1. p. 94. B.

³ *Dioigenes Laertii* (VIII. 86) почитаетъ его ученикомъ Платона. *Cicer. de divin.* II. 42. *Plut. advers.* Col. p. 1126. D.

⁴ *Strab.* XVII. § 29. p. 558.

⁵ De dæmoniō Socratis p. 578.

на діалектическую борьбу. Такое свидѣтельство Платона ни сколько не подтверждаетъ словъ Апулея.

Когда Платонъ, на возвратномъ пути изъ Египта, прибылъ въ Карію ¹, — Делось прислалъ къ нему депутацію съ просьбою изъяснить слова оракула, который приказывалъ усугубить алтарь на островѣ Делосѣ. По прибытіи въ Аѣины, или, можетъ быть, прямо изъ Каріи, Платонъ предпринялъ другое путешествіе въ Тарентъ, къ извѣстнѣйшимъ въ то время Пифагорейцамъ, — однакожь не для того, чтобы вступить въ ихъ школу, какъ думали древніе, но вѣроятно для возобновленія съ ними прежнихъ дружескихъ связей ². Что онъ не былъ ученикомъ Архита и другихъ Пифагорейцевъ, это ясно даже изъ его упрековъ ³ Эвдоксу и Архиту, которые, прилагая механику къ стратегіи, по его мнѣнію, унижали геометрію, потому что отъ предметовъ умственныхъ переводили ее къ матеріальнымъ.

Изъ Тарента и Великой Греціи Платонъ отправился въ Сицилію — по мнѣнію однихъ ⁴ для того, чтобы видѣть изверженіе Этны; по словамъ сочинителя седьмаго письма — для того, чтобы собрать опыты, относящіяся къ законодательству и политикѣ; нѣкоторые же ⁵ говорятъ, что Діонъ, благородный юноша ⁶, побуждаемый громкою славою Платона, упросилъ своего государя и родственника пригласить его въ Сиракузы. Платоновы наставленія, продолжають они, сдѣлали на Діона столь сильное впечатлѣніе, что, возненавидѣвъ развратную жизнь извѣженныхъ Сиракузянъ, онъ вознамѣрился со временемъ освободить своихъ согражданъ отъ ига деспотиче-

¹ Такъ повѣствуетъ Плутархъ *De daem. Socr.* p. 579. В.

² См. *Phaedon.* p. 61. D. E. *Wittenb.* p. 130.

³ *Plut. vitae parallelae illust. imperat. v. Marcellus.*

⁴ *Diod. Sic. XV. 7. Athenag. XI 507. Apulei p. 3. Diog. Laert. III. 18. Olympiod. p. 79.*

⁵ *Corn. Nepot. X. 2.*

⁶ *Epist. VII. 324. A. 326. A. Cicer. de orat. III. 34. Plut. Dion.*

ской власти и осчастливить ихъ постановленіемъ новыхъ, мудрыхъ законовъ. Но Діонисію бесѣды Платоновы не были такъ пріятны, какъ Діону: напротивъ, онѣ возбудили въ немъ мысль посягнуть даже на жизнь Аѳинскаго мудреца; и только покровительство Аристомена и Діона могло спасти его отъ смерти. Впрочемъ Діонисій успѣлъ уговорить Спартанскаго посланника Полиса взять Платона на свой корабль и продать его на островѣ Эгинѣ, который въ то время велъ войну съ Аѳинянами. Такимъ образомъ Платонъ былъ проданъ; но Киринейнинъ Аннихерисъ ¹, выкупивъ его за 20 или за 30 минъ, препроводилъ въ Аѳины.

Возвратившись въ отечество, Платонъ открылъ философскую кафедру въ Академіи ², находящейся въ предмѣстіи Аѳинъ, гдѣ былъ и собственный его садъ ³. О методѣ его ученія и правилахъ школы дошло до насъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Олимпіодоръ говоритъ, что почитая математику наукою, необходимою для философа, Платонъ надъ дверьми своей аудиторіи сдѣлалъ слѣдующую надпись: *οὐδὲὶς ἀγεωμέτρητος εἰσὶτω* ⁴. Уроки его, также какъ и Пифагоровы, говорятъ, раздѣлялись на эсotericескіе и эксotericескіе: но достовѣрно ли это мнѣніе, — увидимъ ниже. Ученіе Платона было столь увлекательно, что его слушали соотечественники и иностранцы, юноши и старики, полководцы и политики. Изъ безчисленнаго множества Платоновыхъ слушателей, исторія сохранила знаменитыя имена Тимофея, Фокіона, Иперіда, Димосѳена и другихъ.

¹ *Diog. Laert.* III. 20. *Plut.* 960. A.

² *Diog. Laert.* III. 9. τὸ δ' ἔστι γυμνάσιον προἰστέιον ἄλλωδες, ἀπὸ τίνος ἤρως ὀνομασθῆν' Ἐκαδῆμου.

³ По словамъ Діогена Лаерціа (III. 20), Платонъ возвратилъ Аннихерису деньги, заплаченные имъ за его свободу; но Аннихерисъ купилъ на нихъ усадьбу, или загородную мызу близъ Академіи, и подарилъ ея Платону.

⁴ Безъ знанія геометріи, никто не входитъ.

Черезъ 20 лѣтъ отъ основанія Академіи (103. 1 ол.), Діонисій Старшій умеръ, и на престолъ Сициліи вступилъ сынъ его Діонисій Младшій. Говорятъ, что Діонъ, не теряя изъ виду политическаго своего плана, просилъ юнаго государя пригласить къ себѣ Платона и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ къ самому философу, чтобы онъ не отказался отъ приглашенія ¹. Діонисій дѣйствительно сдѣлалъ по желанію своего родственника, — и Платонъ, сдавъ на время академическую кафедру Гераклиту Понтійскому, отправился съ Спевзиппомъ въ Сиракузы. Государь принялъ его очень милостиво, даже съ отличною честью ²: однакожь надежда Діона не исполнилась; потому что въ его дѣло вмѣшалась другая политическая партія, управлявшаяся историкомъ Филостомъ. Она навела на Діона подозрѣніе въ томъ, что онъ, подъ предлогомъ попеченія о образованіи Діонисія, скрывалъ намѣреніе овладѣть его престоломъ. По этому Діонъ былъ изгнанъ изъ Сициліи, а Платонъ съ трудомъ получилъ позволеніе возвратиться въ Грецію. Впрочемъ, не смотря на столь враждебныя чувствованія къ Платону, Діонисій вскорѣ снова и не однократно звалъ его въ Сиракузы, прислалъ за нимъ корабль и обѣщался исполнить всѣ его желанія касательно Діона. Въ то же время Діонъ, Архитъ и другіе Пиеагорейцы извѣщали его, что Діонисій совершенно посвятилъ себя философіи и настоятельно просили не отвергать его приглашенія. Убѣжденный этими просьбами, Платонъ, въ четвертомъ году 104 олимпіады, предпринялъ третіе путешествіе въ Сицилію ³; но, по приѣздѣ туда, скоро замѣтилъ, что друзья представляли ему надежды несбыточныя. Разсмотрѣвъ дѣло вблизи, онъ

¹ Epist. VII. 329. C.

² Scidas Heracl. Epist. II. 73. Aelian. IV. II. V. 18. Plin. H. N VII. 30. Menz in Aristippi vita (Hal. M. 173 9) p. 25.

³ Corsini de die nat. p. 107. 113. Bartelemy voyage du jeune Anach. примѣч. къ главѣ xxxiii. T. IV. p. 278. срр. Платонъ былъ тогда 69 лѣтъ отъ роду. Epist. VII. 338 C. ἀποκρινόμενος, ὅτι ἔρωα τε ἴση.

нашелъ въ Діонисіѣ, вмѣсто искренняго расположенія къ философіи, одно тщеславіе: поэтому началъ опять приготовляться къ отъѣзду; а Діонисій старался удержать его. Между тѣмъ, въ отношеніи къ Діону, приняты были мѣры еще строжайшія. Діонисій, будучи, по праву родственника, опекуномъ сына Діонова, объявилъ за послѣднимъ половину имущества, принадлежавшаго отцу, и продалъ все недвижимое его имѣніе. Въ тоже самое время подвергся великой опасности и Платонъ, принявъ къ себѣ Гераклида, друга Діонова, котораго обвиняли въ возмущеніи Діонисіева войска, а разговоръ Платона съ Θεодотомъ, другимъ другомъ Діоновымъ, еще болѣе раздражилъ Діонисія; такъ, что Аѣинскій философъ отданъ былъ подъ стражу и со дня на день ожидалъ смерти. Узнавъ о столь бѣдственномъ положеніи своего друга, Архитъ, подъ видомъ посольства, отправилъ къ Діонисію Ламиска, который наконецъ упросилъ его отпустить Платона и выдать ему путевыя деньги. На возвратномъ пути Платонъ узналъ, что Діонъ, во время Олимпійскихъ игръ, готовился къ войнѣ противъ Діонисія; а потому послѣдній отъѣздъ его изъ Сициліи былъ въ первомъ году 105 олимпіады.

Вотъ краткое обозрѣніе рассказовъ, дошедшихъ до насъ изъ древняго міра, о путешествіяхъ Платона въ Сицилію и объ обстоятельствахъ его тамъ пребыванія. Судя по историческому достоинству тѣхъ источниковъ, откуда онѣ почерпнуты, ихъ нельзя почитать несомнѣнными. Усвояемая Платону письма, изъ которыхъ Плутархъ, Діогенъ Л. и другіе заимствовали изложенные нами факты, суть произведенія вѣроятно одного изъ учениковъ, или почитателей Платона; слѣдовательно, всѣ сказанія о намѣреніяхъ нашего философа, о его пребываніи въ Сиракузахъ, о его отношеніяхъ къ Діону и Діонисію, совершенной достовѣрности не имѣютъ. Несомнѣннымъ здѣсь можно почитать только то, что Платонъ изъ Тарента при-

былъ въ Сиракузы по приглашенію Діона, который, находясь въ связяхъ съ Тарентскими Пиеагорейцами, узналъ черезъ нихъ о славномъ мудрецѣ Аѳинскомъ; что по смерти Діонисія Старшаго, Діонъ пригласилъ его въ другой разъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Платонъ преподалъ юному государю истинно благія правила, отклонилъ его отъ привычекъ порочной жизни и своимъ вліяніемъ расположилъ его сердце къ дядѣ, который никогда не пользовался его любовію. Принявъ это за вѣрное, должно согласиться, что путешествуя въ Сицилію, Платонъ не имѣлъ ни философской, ни политической цѣли, не замышлялъ государя сдѣлать философомъ, а его государство—республикою, и осуществить свою политическую идею: одно только чувство дружбы къ Діону и надежда быть полезнымъ Діонисію, заставили его подвергаться опасностямъ пути и превратностямъ политической жизни. Справедливость этой мысли особенно подтверждается тѣмъ мѣстомъ въ четвертомъ разговорѣ Платона о законахъ, гдѣ онъ монархическое правленіе предпочитаетъ всѣмъ прочимъ, и для мудраго законодательства требуетъ государя мудраго, юнаго, одареннаго хорошими способностями ума, образованнаго, мужественнаго и съ возвышенными чувствованіями. Это мѣсто всегда можетъ быть апологіею Платона и въ отношеніи къ Діонисію ¹.

Хотя сочиненія и философія Платона гораздо болѣе знакомятъ насъ съ его характеромъ, нежели самыя свидѣтельства современниковъ; однако скажемъ нѣсколько словъ и о его ха-

¹ Въ письмахъ, усвоенныхъ Платону и его друзьямъ, есть намеки, по которымъ можно думать, что онъ находился въ тѣсной связи съ сильными въ то время аристократами, разсѣянными по Сициліи, Италіи и Греціи, и что эта связь прикрывалась завѣсою тайны и образовала Пиеагорейскій союзъ. Но сомнительно, чтобы Платонъ былъ членомъ этого братства; потому что онъ вообще не любилъ тайныхъ обществъ и мало цѣнилъ дружбу людей соединенныхъ для какой бы то ни было сокровенной цѣли. См. Письмо VII p., 333. D. Платону не приписываютъ никакихъ политическихъ замысловъ во время пребыванія его въ Сиракузахъ, но приписываютъ ихъ Спевзиппу. См. *Plutarch. Vit. Dion.*

рактёръ. Платонъ, говорятъ ¹, небылъ такъ веселъ, откровенъ и любезенъ, какъ Сократъ, но казался скрытнымъ и угрюмымъ, и, по тогдашней пословицѣ, совершенно изгналъ изъ Академіи бога веселости и смѣха. Но изгнаніе смѣха и веселости могло казаться недостаткомъ только для людей легкомысленныхъ, и въ такомъ вѣкѣ, когда училъ Платонъ, то есть, когда Греки искали во всемъ болѣе развлеченія и блеска, нежели наставленій и пользы. Говорятъ также, что онъ питалъ тайную вражду къ прочимъ ученикамъ Сократа, или по крайней мѣрѣ презиралъ ихъ ². Это конечно могло быть: онъ не имѣлъ хорошаго понятія о философіи Антисвена, Аристиппа и Эвклида. Слава академіи, всеобщее удивленіе, приносимое въ жертву ея основателю, внутреннее сознание преимущества предъ современными мыслителями,—все это легко могло расположить Платона къ нѣкоторому самолюбію и гордости. Но если, по пословицѣ, и Гомеръ иногда дремалъ; то почемужъ не дремать Платону! За то, по свидѣтельству Плутарха ³, онъ самъ себя строже наказывалъ за гордость, нежели враги его. Къ числу враговъ и завистниковъ Платона Диогенъ Л. (III. 34. 35) относитъ преимущественно Ксенофонта, который, какъ бы состязаясь съ Платономъ, старался писать въ томъ же родѣ и о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ писалъ онъ. Поводомъ къ этой неизвѣстной у насъ прагматической полемикѣ, говорятъ, послужилъ невыгодный отзывъ Платона о Ксенофонтовой кипропедіи, выраженный въ его государствѣ ⁴. Наконецъ упрекаютъ Платона и въ томъ, что онъ вносилъ въ свои тво-

¹ *Diog. L.* III. 26. *Aelian* III. 35. см. *Meiner's Geschichte des Ursprungs, Fortgangs und Verfalls der Wissenschaften.* Th. II. B. VIII. Cap. 3.

² *Diog. L.* III. 34, 35.

³ *Plutarch.* VIII. 178.

⁴ Книга: *περί παλαιῆς τρυφῆς*, приписываемая Аристиппу, и эпиграммы у Диог. Л., будто бы написанныя Платономъ, обвиняютъ нашего философа въ худой нравственности: но эти документы столь сомнительны, что ни сколько не могутъ служить основаніемъ для подобныхъ обвиненій. *Diog. L.* III. 29. *Athen.* XIII. p. 589. О враждѣ Платона съ Ксенофонтомъ чит. *Böckh. de Simultate, quam Plato cum Xenophonte excreuisse fertur.*

ренія чужія мысли, даже чужія сочиненія ¹, что всѣ его разговоры суть просто компиляціи ², что его Тимей есть списокъ съ древней рукописи Тимея ³, что его государство — не что иное, какъ переработка Протагоровыхъ антилогій ⁴, что онъ весьма много заимствовалъ у комика Эпихарма и для той же цѣли купилъ три книги Пифагоровы. Но если Платонъ и пользовался чужими мыслями, то пользовался какъ геній, который, собирая матеріалы, даетъ имъ собственную форму и творить новое, оригинальное, неподражаемое. Вотъ что говоритъ объ этомъ Thiersch ⁵: *Platoni vero illud non est opprobrium vertendum. Nam quod erat profundum ejus ingenium et infinita mentis capacitas, omnia, quæ ab aliis aut inventa aut disputata erant, intento studio relegebat secum atque fovebat, ut divino ipsius lumine illustrata miraque arte efformata novo tum splendore tum cultu in conspectum hominum emitterentur. Licet igitur vel centum Timones et Athenæi, magnorum ingeniorum humiles ipsi osores, loca nobis monstrarent, in quibus multiplicis eruditio- nis fontes ante stagnaverint, quam Platonis afflatu in limpidos liquores mutata profluerent, nihil tamen ejus laudi derogare possent. Quæ enim Platonis studio retractantur, ea Platonis propria fiunt, cujusque tandem antea fuisse perhibeantur.*

Платонъ умеръ, какъ сказано выше, въ первомъ году 108 ол., и при томъ въ мѣсяцѣ Экатомвеонѣ (а не въ день своего рожденія, въ Таргеліонѣ, какъ полагаетъ Сенека ⁶. Онъ прожилъ 81 годъ и, кажется, до послѣдней минуты своей жизни, то писалъ, то исправлялъ написанное ⁷. По смерти этого великаго мужа, на восковой его доскѣ нашли

¹ *Diog. L. VI. 27.*

² *Athen. XI p. 15.*

³ *Timon. Aul. Gell. III. 17.*

⁴ *Diog. L. III. 37.*

⁵ *Diatrib. de Aristobulo 1806. p. 65.*

⁶ *Epist. L. VIII. § 27.*

⁷ *Cicer. de Senect. 5.*

прологъ его государства со множествомъ перемарокъ и поправокъ ¹. Аѳиняне воздвигли ему памятникъ съ надписью, не въ дальнемъ разстояніи отъ Академіи, въ которой онъ былъ погребенъ; а Митридатъ, по свидѣтельству Фаворина ², приказалъ Силаніану сдѣлать статую Платона и поставилъ ее въ Академіи.

¹ *Dionys. Halicarn. de comp. verb. c. 25. Quint. inst. orat. VIII. 6. Muret. var. lect, XVIII. 8.*

² *Diog. L. III. 25.* На пьедесталѣ этой статуи была надпись: *Μητριδάτης ὁ Ῥοδόβροτον Πέρσης Μούσαις εἰκόνα ἀνέθετο Πλάτωνος, ἣν Σιλανίων ἐποίησεν*

О СОЧИНЕНІЯХЪ ПЛАТОНА.

Общій, предварительный взглядъ на сочиненія Платона, по нашему предположенію, долженъ руководствовать читателя къ пріобрѣтенію вѣрнаго о нихъ понятія, и служить ему предуготовительнымъ средствомъ къ уразумѣнію ихъ духа и характера. Если какая книга имѣетъ нужду въ подобномъ введеніи, то безъ сомнѣнія сочиненія Платона; потому что ни древній, ни новый міръ не представляютъ писателя, который бы имѣлъ большее право жаловаться на позднѣйшихъ ученыхъ, какъ Платонъ, котораго бы такъ немилосердо переиначивали и перетолковывали, какъ его. Сократъ, выслушавъ написаннаго Платономъ Лизиса, сказалъ ¹: «Безсмертные боги! чего не выдумаетъ на меня этотъ молодой человѣкъ!» Но что сказалъ бы Платонъ, прочитавши всѣ изложенія своей философіи, всѣхъ своихъ комментаторовъ и историковъ, отъ Аристотеля и Плутарха до Теннемана и Риттера? Какъ часто и разнообразно они измѣняли его ученіе! Сколько приписывали ему и сколько отнимали у него произвольно! Самыя сочиненія Платона

¹ Diog. L. III. 35.

то увеличивались, то уменьшались въ своемъ объемѣ, смотря потому, сколько кому угодно было отдѣлить подложныхъ отъ подлинныхъ его разговоровъ. Платонъ, своимъ твореніямъ какъ будто завѣщалъ даръ Протея — скрывать въ однихъ и тѣхъ же формахъ всѣ идеи и обнаруживать ту или другую, сообразно съ желаніемъ и духомъ читателя. Но между тѣмъ все это происходило отъ недостатка строгой и отчетливой критики, и отъ того, что на нихъ смотрѣли большею частію, какъ на памятникъ просто литературы, а не философіи, которая въ этомъ случаѣ была по крайней мѣрѣ дѣломъ второстепеннымъ. Риттеръ справедливо замѣтилъ ¹, что великаго мыслителя рѣдко понимаютъ современники, что только время и потомство выясняютъ его идеи. Потомки окружаютъ его, какъ своего учителя; потому что вѣка грядущіе суть ученики протекшихъ.

Но чтобы составить вѣрное понятіе о сочиненіяхъ Платона, надлежало бы прежде обратить вниманіе на современное Платону состояніе Греціи, на главное направленіе тогдашней философіи, на духъ ученыхъ произведеній, принадлежавшихъ той эпохѣ, на степень ихъ распространенія, на нравственный характеръ соотечественниковъ нашего философа и пр. Все это безъ сомнѣнія было условіемъ, подъ которымъ сочиненія Платона должны были получить такія или другія свойства; слѣдовательно все это могло бы объяснить многое, что въ нихъ темно, подвергнуть сомнѣнію то, что теперь кажется несомнѣннымъ, и вообще—привести къ такимъ результатамъ, которыхъ до сихъ поръ мы, можетъ быть, и не представляемъ. Но эти изслѣдованія увлекли бы насъ далеко за предѣлы нашего плана и заставили бы повторять то, что изложено во всякой исторіи литературы, политики и философіи. Переводя сочиненія Платона, мы, гдѣ нужно, будемъ обращаться къ этимъ пособіямъ и ими подтверждать, или отвергать мнѣнія о смыслѣ и значеніи частныхъ мѣстъ въ его разгово-

¹ Gesch. der Phil. alter. Zeit. Th. 2. B. VIII. c. 6.

рахъ: а теперь, для достиженія предположенной цѣли, считаемъ нужнымъ говорить о языкѣ, формѣ, методѣ (философствованія), составѣ и порядкѣ Платоновыхъ сочиненій.

Мнѣнія древнихъ о языкѣ Платона весьма различны. Одни превозносятъ его съ энтузіасмомъ, какъ явленіе, небывалое ни въ какую эпоху Греческаго образованія; другіе напротивъ унижаютъ его достоинство до послѣдней крайности.

Остроумные современники Платона часто шутили надъ языкомъ его сочиненій. Діогенъ Лаерцій¹ сохранилъ нѣсколько такихъ шутокъ и приписываетъ ихъ преимущественно тогдашнимъ Аѳинскимъ комикамъ—Феопомпу, Тимону, Алексису и другимъ. Впрочемъ все, что они говорили, направлено болѣе противъ мнимой странности и темноты нѣкоторыхъ Платоновыхъ мыслей, нежели противъ чистоты выраженій. Другіе, смотря на сочиненія Платона со стороны языка, почитали ихъ только памятникомъ софистическаго тщеславія и не находили въ нихъ ничего кромѣ нарядности и суетнаго щегольства фразы, въ которой болѣе громкихъ словъ, нежели основательной мысли². Говорили, что плодovitость Платонова языка нерѣдко перераждается въ роскошь, несомвѣстную съ свойствомъ философскихъ изслѣдованій, что монологи Платоновыхъ разговоровъ, то несносно растянуты, то непостижимо темны, что въ сочиненіяхъ Платона много странныхъ оборотовъ, а въ языкѣ много солецизмовъ³.

Читая эти обвинительные пункты, невольно представляешь себѣ отзывы критики и о философской литературѣ нашего времени. Чего требуютъ отъ ней?—Общепонятности, легкости въ языкѣ, ясности въ мысляхъ, изящества

¹ *Diog. L.* III. 21, 29.

² *Meiners Gesch. d. Wissensch. in. Gricchenl. und. Rom.* Т. 2. В. VIII. cap. 3.

³ *Dionys.* VI. 957—64. 972. 1032—34. 1038. 1043. Также Лонгинъ, *περί ὀψιγγ* *passim*. У Діонисія собраны примѣры ошибокъ противъ языка изъ всѣхъ сочиненій Платона.

въ обработкѣ. Поверхностное сужденіе хотѣло бы подстроить ее подъ тонъ эфемерныхъ фелъетоновъ, забывая, что языкъ философскій есть нарѣчіе кабинетное, необходимое для выраженія высокихъ идей ума, что оно никогда не можетъ быть перелито въ формы болѣе простыя и общепотребительныя въ обыкновенныхъ сношеніяхъ людей въ свѣтѣ. Съ другой стороны, языкъ свѣта, легкая оболочка летучихъ мыслей, вовсе недостаточенъ для выраженія высокихъ идей философіи. Онѣ, жительницы міра духовнаго, бываютъ только минутными гостями земли: озаривъ душу философа свѣтомъ, постигаемымъ только во глубинѣ ума, онѣ темнѣютъ при одномъ прикосновеніи къ нимъ обыкновенныхъ формъ человѣческой мысли, а еще темнѣе становятся, облекаясь въ человѣческое слово. Можно ли опредѣленно обрисовать предметъ, неуловимый вполнѣ никакими формами не только языка, но и самаго мышленія? Есть слово для выраженія; но оно не выражаетъ предмета: оно идетъ за идеею только издали и формуетъ одну тѣнь ея, одинъ слѣдъ, оставленный ею земному мыслителю. Вотъ основаніе, на которомъ зиждется и развивается наука, никогда неоканчивающая своего развитія! И вотъ вмѣстѣ причина, по которой философъ принужденъ выходить за предѣлы обыкновенныхъ формъ народнаго выраженія и изъ общественнаго языка образовать частное, кабинетное нарѣчіе!

Съ этимъ-то нарѣчіемъ восходилъ на свою кафедру и Платонъ. Его окружало общество людей образованныхъ, но съ образованіемъ тогдашняго вѣка, привыкшаго къ приятнымъ и легкимъ впечатлѣніямъ изящнаго. Эти люди были не мудрецы, углублявшіеся въ истину, а питомцы софистовъ, требовавшіе игры въ словахъ, парадности и декламации въ дѣйствиіи: избалованные роскошью и нѣгою въ домашней жизни, они приносили тотъ же вкусъ и въ Академію, и жаждали роскоши въ самой рѣчи. Удивительно ли, что Платонъ, съ своими новыми идеями, требовавшими на-

четать эти крайности. Онъ создалъ изящный языкъ высшаго стилиа,—такой языкъ, который годился и для выраженія его идей и для увлеченія слушателей, былъ и новъ и ясенъ, и ученъ и роскошенъ, и точенъ и блистателенъ. Древніе называли его языкомъ боговъ, такъ какъ самаго Платона—царемъ философовъ,¹ и говорили, что самъ Юпитеръ, если бы онъ захотѣлъ объясняться словомъ человѣческимъ, употребилъ бы слово Платона². Другіе, не столь восторженные цѣнители Платонова языка, слышали въ немъ по крайней мѣрѣ гармонію музыки³. Пока Платонъ, какъ свидѣтельствуешь Діонисій⁴, подражая своему учителю, говорилъ безъ натяжекъ и изысканности, простая рѣчь его была невыразимо пріятна и увлекательна: тогда она казалась чище и правильнѣе нарочито обработанной рѣчи другихъ; тогда она была ясна, какъ день, и не заключала въ себѣ ни одного лишняго слова. Но, говоря о языкѣ Платона, мы имѣемъ особенное право положиться въ этомъ отношеніи на судъ Цицерона, какъ отличнаго между Римлянами эллиниста и знаменитаго оратора. Онъ признается⁵, что своею славою и успѣхами на кафедрѣ ораторской обязанъ не наставленіямъ риторовъ, а изученію Платоновыхъ сочиненій, и думаетъ, что изъ того же источника почерпнулъ свое краснорѣчіе и Демосѣенъ, бывшій, какъ сказано выше, усерднымъ слушателемъ Платона. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Платонъ писалъ прозою; но его проза, будучи

¹ *Cic. de orat.* 1. II.

² *Dionys. de admirab. vi dicendi in Demosth.* VI. p. 1024.

³ *De compr. verb.* VI. 101. *Diog. L.* III. 37, 38.

⁴ *De admirab. vi dicendi in Dem.* VI. p. 965. et. sq. de Platone ad Cn. Pomp. 758 et sq.

⁵ *Cicer. orat.* V. 3. 4. Fateor. me oratorem, si modo sim, aut etiam quicumque sim, non ex rhetorum officinis, sed ex academiae spatiis exitisse. Illa enim sunt curricula multiplicium uberiorumque sermonum, in quibus Platonis primum sunt impressa vestigia; sed et hujus, et aliorum philosophorum disputationibus, et exagitatus maxime orator est et adjutus. Omnis enim ubertas et puasi silva dicendi, ducta ab illis est. Quod idem de Demosthene existimari potest, cujus ex epistolis intelligi licet, quam frequens fuerit Platonis auditor.

выраженіемъ высокихъ идей, отпечатлѣна характеромъ поэзіи: прозаическому языку Платона, кажется, не доставало только стихотворнаго такта, чтобы превратиться въ оды Пиндара, *ut mihi non hominis, sed quodam Delphico videatur oraculo instinctus (sermo ejus)* говоритъ Квинтиліанъ¹.

Платонъ изложилъ свое ученіе въ формѣ разговорной. Впрочемъ, разговорная форма сочиненій, — не его изобрѣтеніе. Аристотель² первымъ діалогистомъ почитаетъ Алексамена Θεоскаго: но вѣроятно Эпихармъ³ и Зенонъ Элейскій⁴ употребляли ту же самую форму еще прежде Алексамена. Покрайней мѣрѣ нельзя сомнѣваться, что философскій разговоръ подъ перомъ Платона получилъ неслыханную дотогѣ искусственность, всесторонность и діалектическую гибкость. Владѣя имъ вполнѣ, Платонъ нечувствительно измѣняетъ направленіе рѣчи, ловко изворачивается при столкновеніи противорѣчущихъ мыслей, постепенно приводитъ въ ясность самыя запутанныя понятія, искусно соединяетъ результаты отдаленныя, кстати сводитъ мысли собесѣдниковъ, нечаянно дѣлаетъ такія заключенія, которыя поставляютъ оппонента въ крайнее затрудненіе. Однимъ словомъ: въ Платоновомъ разговорѣ приводятся въ дѣйствіе всѣ способы искусной стратегіи. Онъ, то принимаетъ выпрепнній полетъ диѳирамба, то переходитъ въ холодную и спокойную прозу, то сыплетъ колкости сатиры, то дѣлается шутливымъ, какъ комедія. Посредствомъ столь изворотливаго разговора, Платонъ разсматриваетъ каждый предметъ со всѣхъ сторонъ, поставляетъ его во всѣ возможные отношенія, и такимъ образомъ мало по малу разоблачаетъ внутреннія его свойства.

Съ этою гибкостію разговора у Платона въ совершенной гармоніи ловкость и оригинальность эротематической

¹ *Quint.* X. 1. p. m. 578.

² *Arist.* Athen. X. 378.

³ *Diog. L.* III. 14. sq.

⁴ *Diog. L.* III. 47. sq. *Arist.* de sophist. elench. 10.

методы. Слѣдуя ей со всею строгостію, Платонъ не обнаруживаетъ и тѣни догматизма. Истина у него независима, не принадлежитъ никому, не есть достояніе какого-нибудь одного лица, но является сама собою, чрезъ сравніваніе и оцѣнку противоположныхъ взглядовъ. Правда, Сократъ — лице, въ Платоновыхъ разговорахъ оцѣнивающее достоинство мнѣній, кажется жрецомъ истины: его сужденія носятъ печать высшаго вѣроятія и убѣдительности; но онъ выслушиваетъ, какъ ученикъ, изслѣдываетъ, какъ человѣкъ любознательный, а не рѣшаетъ какъ оракуль, не проповѣдуетъ, какъ безотчетная мудрость, не вливаетъ истины въ умы собесѣдниковъ, какъ въ пустой сосудъ¹. Однимъ словомъ, Сократъ въ Платоновыхъ сочиненіяхъ точно таковъ, какимъ онъ былъ на площадяхъ и въ портикахъ Аѳинскихъ. Единственное различіе между Сократомъ, сыномъ Софрониска, и Сократомъ Платоновымъ, есть то, что первый эротическую методу направлялъ къ обнаженію злоупотребленій практической жизни и дѣятельности своихъ современниковъ, а послѣдній ту же самую методу примѣнилъ къ обличенію заблужденій современной философіи и къ основательнѣйшему изслѣдованію истинъ метафизическихъ. Вообще Платоновъ разговоръ можно назвать литературною копіею тогдашнихъ ученыхъ Аѳинъ: въ Аѳины все стекалось и разсуждало; въ Платоновомъ разговорѣ все разсужденія записывались и приводились въ порядокъ.

Впрочемъ, сдѣланныя нами замѣчанія относятся болѣе къ наружной сторонѣ Платоновой методы; и мы не разсмотрѣли бы даже половины дѣла, еслибы упустили изъ вида внутренней ея характеръ. Упомянуть о немъ тѣмъ нужнѣе, что онъ можетъ служить надежнымъ указателемъ истиннаго смысла и цѣли частныхъ бесѣдъ Платона. Существенное, внутреннее свойство Платоновыхъ разговоровъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ почти никогда не выводятся и

¹ Plat. Protag. p. 314.

ясно не высказываются послѣдніе результаты изслѣдованія, что они въ философскомъ отношеніи не имѣютъ ни опредѣленнаго начала, ни опредѣленнаго конца¹. Платонъ вводитъ Сократа въ бесѣду съ любителями философіи и истины. Какое нибудь маловажное обстоятельство изъ жизни домашней или общественной подаетъ поводъ къ разговору, и разговоръ мало по малу принимаетъ направленіе философское. Сократъ прикрывается завѣсою совершеннаго невѣдѣнія того дѣла, о которомъ идетъ рѣчь: другіе напротивъ излагаютъ свои мнѣнія почти всегда съ самоувѣренностію и педантскимъ тщеславіемъ. Сократъ сомнѣвается и, предлагая своимъ собесѣдникамъ вопросъ за вопросомъ, кажется не имѣть при этомъ никакой особенной цѣли, кромѣ безотчетнаго желанія узнать истину; въ самомъ же дѣлѣ, сообразуясь съ ихъ отвѣтами, онъ ведетъ ихъ къ какому-то результату, котораго они не предусматриваютъ. Наконецъ, изъ свойства ихъ отвѣтовъ, или изъ прежняго ихъ согласія на положенія Сократа, вытекаетъ заключеніе, ясно обнаруживающее ихъ заблужденія. Такимъ образомъ истина освобождается отъ всѣхъ чуждыхъ ей покрововъ, выводится изъ предѣловъ и формъ всѣхъ школъ, становится какъ бы существомъ безплотнымъ, и—мгновенно, какъ существо безплотное, исчезаетъ. Сократъ разоблачилъ ее, приблизилъ къ ней умы собесѣдниковъ, далъ имъ почувствовать ея красоту, величіе и совершенство, но не показалъ ея лицомъ къ лицу, не назвалъ по имени, не выразилъ словомъ, и она осталась только предметомъ внутренняго, глубокаго ощущенія, тайною бесѣдовавшихъ душъ, а не науки, изложенной въ книгѣ. Если же иногда надлежало дать о ней какое нибудь опредѣленное понятіе; то Сократъ собиралъ отдѣльныя черты ея, какъ разсѣянные обломки разбитаго зеркала, изъ тѣхъ мнѣній, которыя бы-

¹ *Cicer. acad. quaest. 1. B. Tennem. Syst. d. Platon. Phil. B. 1. 5. 139. sbq.*

ли уже опровергнуты, и торжественно сознавался, что онъ никакъ не можетъ соединить ихъ въ одно цѣлое.

Теперь видна причина, почему философія Платона во всѣ времена была понимаема различно и, не смотря ни на какое различіе понятій, постоянно увлекала умы: но невидно, гдѣ искать истинной Платоновой философіи. Она должна быть вся въ его сочиненіяхъ, а изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что ее, по крайней мѣрѣ въполнѣ, нѣтъ тамъ. Это явное противорѣчіе приводило критиковъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ. Спрашивали: существующія нынѣ сочиненія Платона не для того ли только написаны, чтобы ученики его по нимъ могли припоминать положительныя идеи своего учителя? Не содержится ли въ нихъ одна экзотерическая его философія? Всѣ ли его творенія дошли до насъ?

Прежде нежели будемъ отвѣчать на эти вопросы, мы должны изслѣдовать: какова была форма устныхъ уроковъ Платона, и направленіе его разговоровъ не указываетъ ли на какую нибудь опредѣленную цѣль ихъ?

Въ Платоновомъ Федрѣ мы находимъ нѣсколько намековъ на то, что разговорная метода устнаго преподаванія имѣетъ преимущество предъ методою, въ собственномъ смыслѣ догматическою ¹. Основываясь на этихъ замѣчаніяхъ, Шлейермахеръ доказываетъ, что извѣстные нынѣ разговоры Платона, по самой своей формѣ, суть списки съ устныхъ его бесѣдъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно бы еще указать на отзывъ Платона объ Аристотелѣ, какъ объ умѣ академіи, въ отсутствіе котораго, по его словамъ, она была глуха ². Но мы имѣемъ причины думать, что въ устномъ преподаваніи своего ученія Платонъ держался не исключительно разговорной формы. Въ Греціи

¹ Должно замѣтить, что въ этихъ мѣстахъ Платонъ говоритъ не исторически о своихъ устныхъ урокахъ, а только показываетъ, что эртематическая метода при наставленіи лучше софистической.

² *Ammon. vit. Arist.*

въ его время господствовалъ софистическій способъ наставленія; а извѣстно, что скептицизмъ софистовъ былъ самымъ строгимъ догматизмомъ. Они требовали отъ слушателей вѣры безусловной, которая, натурально, не давала мѣста возраженіямъ и не допускала разговорной формы ученія. Если Платонъ и не вполне увлекался этимъ духомъ вѣка; то долженъ былъ ограничиваться обстоятельствами своей школы. Она имѣла опредѣленное мѣсто и состояла изъ множества слушателей: можно ли было удержать единство предмета и цѣли, и вести непрерывную нить разговора, когда въ изслѣдованіи участвовала цѣлая масса людей съ разными понятіями и частными взглядами? Впрочемъ мы не говоримъ, что бы Платонъ, при устномъ преподаваніи своего ученія, вовсе не употреблялъ разговорной формы; а только утверждаемъ, что въ этомъ случаѣ эротематическая метода была не всегдашнею его методою и прилагалась изрѣдка, развѣ къ приближеннѣйшимъ его ученикамъ. Слѣдовательно, разговоры Платона не могли быть настоящимъ спискомъ съ устныхъ бесѣдъ его. Это заключеніе найдетъ достаточныя основанія и въ рѣшеніи втораго вопроса.

Всматриваясь въ содержаніе и направленіе Платоновыхъ сочиненій, мы замѣчаемъ въ нихъ совмѣстное изложеніе идей, принадлежащихъ Платону, съ критикою прежнихъ и современныхъ умствованій. Въ древнемъ мірѣ философія излагаема была почти всегда прагматически: тогда еще не отдѣляли ея исторіи отъ ученія положительнаго; доказательство на это — почти всѣ памятники древней философской литературы, а особенно сочиненія Аристотеля и Цицерона. Того же способа, при изложеніи своихъ идей, держался и Платонъ, и держался едва ли не строже всѣхъ современныхъ и послѣдующихъ мыслителей; хотя должно согласиться, что такое совмѣщеніе философской догматики съ ея исторіею, вообще въ Греціи, и въ частности у Платона, происходило только отъ неполноты развитія наукъ,

а не являлось въ сознаніи, какъ достоинство методы. Такое стремленіе древнихъ мыслителей къ прагматическому изложенію наукъ, позволяетъ намъ угадывать причину, по которой Платонъ избралъ для своихъ сочиненій діалектическую форму. Нѣтъ сомнѣнія, что для прагматизма она гораздо удобнѣе всякой другой. Непрерывная рѣчь, какъ бы ясна ни была, никогда не въ состояніи выразить всѣхъ оттѣнковъ мысли, показать всѣ ея изгибы и отношенія. Употребляя ее, писатель невольно слѣдуетъ одному извѣстному взгляду и обращаетъ мало вниманія на другіе отъ него отличные; по этому часто упускаетъ изъ виду мнѣнія, болѣе или менѣе противорѣчущія основнымъ своимъ идеямъ; а отсюда проистекаетъ то неполнота, то неудовлетворительность изслѣдованій. Напротивъ, разговоръ представляетъ возможность обозрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ, прояснить всѣ соприкосновенныя къ нему мысли и ввести его въ кругъ всѣхъ знаній, относящихся къ извѣстной наукѣ. Впрочемъ, болѣе частное и болѣе замѣтное направленіе Платоновыхъ разговоровъ мы видимъ въ діалектической ихъ полемикѣ съ софистами. Это живое изображеніе ихъ характеровъ, тщеславія, тѣхъ мѣстъ и обстоятельствъ, въ которыхъ они преподавали свое ученіе, тѣхъ пріемовъ, которыми увлекали за собою юношей, всѣ эти частные оттѣнки софистики, такъ вѣрно схваченные Платономъ, ясно указываютъ на особенную цѣль его разговоровъ, отличную отъ цѣли его философіи. Платонъ воскресилъ въ нихъ Сократа со всею тонкостію его ироніи, и преслѣдуетъ современныхъ себѣ враговъ здраваго смысла столь же сильно, сколь сильно преслѣдовалъ ихъ его учитель. Думать, что всѣ тѣ софисты и риторы, всѣ тѣ декламаторы и поэты, которые разсуждаютъ въ его разговорахъ, дѣйствительно разсуждали и въ его академіи, значило бы вовсе незнать хронологическихъ и біографическихъ подробностей, относящихся къ этимъ лицамъ. Нисколько несомнѣваясь въ историческомъ значеніи ихъ,

мы равно не сомнѣваемся и въ томъ, что у Платона не ученіе приводится для лицъ, а лица для ученія. Впрочемъ, само собою разумѣется, что обличая заблужденія прежней и современной философіи, Платонъ тѣмъ удобнѣе и яснѣе раскрывалъ въ своихъ сочиненіяхъ и собственныя идеи. Такимъ образомъ онъ достигалъ тройкой цѣли: завѣщалъ исторіи оригинальную методу Сократа, направленную имъ противъ софистовъ; показалъ хорошую и худую сторону древнихъ философскихъ ученій; и сдѣлалъ вразумительными для читателей собственныя свои умствованія.

Отсюда удовлетворительно рѣшается вопросъ: точно ли онъ писалъ свои сочиненія только для напоминанія ученикамъ о своихъ идеяхъ, раскрытыхъ устно? Ограничивать трудъ Платона, какъ писателя, одною этою цѣлю, значило бы навязывать ему средства выше цѣли. Чтобы напомнить слушателямъ о содержаніи академическаго ученія, нужно ли было Платону входить въ такія подробности при изложеніи своихъ мыслей, съ такою тщательностію обрабатывать свой языкъ и давать своимъ сочиненіямъ столь искусственную форму? Для этого безъ сомнѣнія было бы достаточно и краткихъ замѣчаній. При томъ, предположивъ исключительно эту цѣль Платоновыхъ разговоровъ, мы нашли бы въ нихъ весьма много разсужденій, не имѣющихъ къ ней никакого отношенія. Къ чему, напри- мѣръ, служили бы тогда длинныя описанія домашней и общественной жизни нѣкоторыхъ лицъ и упоминаніе о множествѣ другихъ, вовсе не философскихъ предметовъ? И такъ, соглашаясь, что сочиненія Платона могли и должны были приводить на память слушателямъ идеи, преподаанныя имъ устно, мы однакожь не почитаемъ этой цѣли исключительною.

Еще менѣе достовѣрною кажется намъ мысль, что въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Платона заключается только экзотерическое его ученіе. Экзотерическую и эсотери-

ческую философію древніе вообще различали, какъ такія ученія, которыя утверждаются на отдѣльныхъ началахъ и одно изъ другаго изъясняемы быть не могутъ: по этому онѣ могли имѣть мѣсто только въ извѣстныхъ философскихъ сектахъ, ограничивавшихся частными вѣрованіями, постановленіями и образомъ жизни; исторія не безъ основанія приписываетъ ихъ, на примѣръ, Пифагорейскому союзу. Но условія и обстоятельства Платоновой школы были вовсе не таковы, чтобы ея ученіе могло двоиться и противорѣчить самому себѣ: въ нее стекались слушатели свободно; она не подчиняла ихъ никакимъ формамъ; учениками Платона были всѣ, имѣвшіе охоту его слушать и способность понимать; его идеи были предметомъ разсужденій и внѣ школы — въ частныхъ собраніяхъ людей образованныхъ; изъ числа его учениковъ мы не знаемъ ни одного, о которомъ бы преданіе говорило, какъ объ эсотерикѣ своего учителя; напротивъ видимъ, что и Аристотель — умъ академіи, говоря объ ученіи Платона, ссылается на извѣстныя намъ его сочиненія. Самыя же сочиненія Платона еще менѣе допускаютъ мысль о существованіи экзотерической философіи въ его школѣ; потому что хотя Платонъ въ своихъ разговорахъ почти никогда не высказываетъ послѣднихъ результатовъ изслѣдованія, однакожь такъ приближаетъ къ нимъ читателя, что онъ легко можетъ замѣтить намѣреніе и цѣль его ученія. Слѣдовательно у Платона нѣтъ завѣтныхъ идей, которыхъ основаніе не скрывалось бы въ его твореніяхъ ¹.

Впрочемъ можно думать, что устно Платонъ раскрывалъ свое ученіе опредѣленнѣе, нежели письменно. Гдѣ менѣе собесѣдованія, а болѣе догматизма и непрерывности въ рѣчи, тамъ преподаватель идетъ быстрѣе къ цѣли и,

¹ Шлейермахеръ экзотерическимъ ученіемъ Платона почитаетъ мысли, изложенныя въ его разговорахъ, а эсотерическимъ, — тѣ результаты, которые можно выводить изъ нихъ: но это значитъ давать новое значеніе словамъ: экзотерическая и эсотерическая философія.

не отвлекаясь отъ своего предмета столкновениемъ противорѣчущихъ мнѣній, свободнѣе схватываетъ ее. Вѣроятно также, что раскрывая устно какой нибудь предметъ, Платонъ иногда прививалъ къ нему и такія мысли, которыя, не подходя подъ частную цѣль разговора, не вошли въ его сочиненія. Отсюда легко понять, что такое разумѣлъ Аристотель подъ именемъ неписаннаго ученія (*ἄγραφα δόγματα*) и неписанныхъ раздѣленій (*διαίσεις*) Платона ¹. Это были не эсotericескія его мнѣнія, не завѣтныя мысли его школы, но послѣдніе результаты тѣхъ самыхъ идей, которыя изложены въ его разговорахъ; это—свѣтлыя истины, мгновенно обнаруживающіяся въ минуты одушевленія, и темнѣющія подъ мертвою формою понятій. По сему-то Платонъ свои *δόγματα ἄγραφα*, говорятъ, преподавалъ *αἰνιγματώδως*, гадательно, и содержаніемъ ихъ было ученіе о высочайшемъ благѣ ². Можетъ ли философъ, и не язычникъ, разсуждать о такомъ предметѣ не гадательно!

И такъ, мы смотримъ на сочиненія Платона, какъ на полный репертуаръ его философіи, и полагаемъ, что въ нихъ можно найти, или по крайней мѣрѣ, изъ нихъ вывести всю систему его ученія.

Но дошедши до этого результата, мы видимъ передъ собою другую крайность: та же древность, которая доказываетъ намъ неполноту сборника Платоновыхъ сочиненій, вмѣстѣ утверждаетъ, что между ними много разговоровъ, Платону не принадлежащихъ. Это заставляетъ насъ разсмотрѣть его сочиненія со стороны ихъ подлинности и, если не отдѣлить подлинныя отъ подложныхъ, потому что такое отдѣленіе вполнѣ невозможно, то по крайней мѣрѣ отличить несомнѣнныя отъ сомнительныхъ.

Двухътысячелѣтній авторитетъ сборника Платоновыхъ сочиненій, кажется, можно бы смѣло положить на вѣсы

¹ *Arist. Phys. IV. 2; de gener. et corr. II. 3.*

² *Arist. de anima 1. 2. Simpl. phys. 32. b. 104. b.*

съ стремленіемъ новѣйшей критики находить вездѣ подложное, и тѣмъ возможнѣе, что почти всѣ извѣстные нынѣ разговоры, носящіе имя Платона, исчислены еще Тразилломъ и Аристофаномъ Грамматикомъ ¹. Но съ другой стороны, можетъ ли статья, чтобы ученая посредственность древняго міра не пользовалась авторитетомъ столь знаменитаго философа, когда она охотно украшала свои сочиненія и именами умовъ второстепенныхъ, и когда, при недостаткѣ философской критики и средствъ къ быстрому распространенію твореній, дѣлать подобные подлоги было очень легко? При томъ мы находимъ, что и древняя критика уже не давала мѣста между твореніями Платона нѣкоторымъ небольшимъ, присвоеннымъ ему, разговорамъ. Вотъ каталогъ Платоновыхъ сочиненій, вошедшихъ въ составъ Стефанова изданія:

1. Эвтифронъ.	18. Алкивіадъ 2.
2. Апологія Сократа.	19. Хармидъ.
3. Критонъ.	20. Лахесь.
4. Федонъ.	21. Лизисъ.
5. Теагъ.	22. Иппархъ.
6. Соперники.	23. Менексенъ.
7. Теэтеть.	24. Политикъ.
8. Софистъ.	25. Миносъ.
9. Эвтидемъ.	26. Государство.
10. Протагоръ.	27. О законахъ.
11. Иппіасъ меньшій.	28. Послѣзаконіе.
12. Кратилъ.	29. Тимей.
13. Горгіасъ.	30. О душѣ міра.
14. Ионъ.	31. Критіасъ.
15. Филебъ.	32. Парменидъ.
16. Менонъ.	33. Пиръ.
17. Алкивіадъ 1.	34. Федръ.

¹ *Diog. L. III. 58—61.* Тразиллъ, послѣдователь Платона, жилъ во времена Августа и Тиверія. (См. *Menagii Comment. ad Diog. L. III. 1. p. 138*), а Аристофанъ Грамматикъ—въ третьемъ вѣкѣ.

35. Иппіасъ старшій.	40. Сизифъ.
36. Письма.	41. Демодохъ.
37. Аксіохъ.	42. Эриксіасъ.
38. Праведникъ.	43. Критофонъ.
39. О добродѣтели.	44. Опредѣленія ¹ .

Но изъ числа этихъ разговоровъ, Демодохъ, Сизифъ, Аксіохъ и нѣкоторые другіе, не вошли въ списокъ Тразилловъ. Діогенъ Лаерцій, безъ всякаго изслѣдованія, называетъ ихъ подложными, и подводитъ подъ одну категорію съ Мидономъ, Алкіономъ, Хелидономъ, Кимономъ, Эпименидомъ и другими разговорами, которыхъ вовсе нѣтъ въ нашемъ сборникѣ, но которые въ древности приписывались также Платону ². Все это наводитъ сильное подозрѣніе на авторитетъ сборника Платоновыхъ сочиненій; такъ что для удостовѣренія въ подлинности каждаго изъ нихъ, мы необходимо должны опереться на двухъ основаніяхъ: 1) на единодушномъ согласіи всѣхъ критиковъ относительно подлинности извѣстныхъ разговоровъ Платона; 2) на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ Платоновыхъ учениковъ, а особенно Аристотеля, что извѣстные разговоры написаны дѣйствительно Платономъ.

Никто изъ критиковъ никогда не сомнѣвался и не сомнѣвается въ томъ, что разговоры: Федръ, Протагоръ, Парменидъ, Теэтеть, Софистъ, Политикъ, Филебъ, Кратиль, вышли изъ подъ пера Платонова; потому что въ этихъ сочиненіяхъ и ученіе, и метода, и языкъ — все характеризуется умомъ Платона.

Нельзя также сомнѣваться и въ подлинности Тимея, Государства, Федона, Пира, Законовъ, Менона, Горгіаса, Евтидема, Иппіаса меньшаго и Менексена; потому что

¹ Почти всѣмъ этимъ разговорамъ критика давала вторичныя названія, которыми хотѣла выразить ихъ содержаніе: но нѣкоторые изъ этихъ названій столь мало соотвѣтствуютъ существу дѣла, что только вводятъ читателя въ заблужденіе.

² *Athen.* XI. p. 506. *Diog. L.* III. 62.

о подлинности этихъ разговоровъ свидѣтельствуется Аристотель, то называя ихъ по именамъ, то приводя изъ нихъ мысли и отрывки, какъ Платоновы ¹.

И такъ несомнѣнно подлинными сочиненіями Платона надобно почитать слѣдующіе:

Федръ.	Менонъ.
Протагоръ.	Пиръ.
Парменидъ.	Эвтидемъ.
Теэтеть.	Филебъ.
Софистъ.	Государство.
Политикъ.	Законы.
Федонъ.	Тимей.
Иппіасъ Мен.	Критіасъ.
Менексенъ.	Горгіасъ.

Смотря на эти разговоры, какъ на коренныя сочиненія Платона, какъ на типъ его мышленія и сообщенія мыслей, критика можетъ и между остальными вѣрно отличить подлинныя его произведенія отъ подложныхъ, или по крайней мѣрѣ, философскія отъ нефилософскихъ. Само собою разумѣется, что подлинность ихъ въ такомъ случаѣ будетъ только посредственная.

Характеръ литературно — философскаго произведенія обыкновенно слагается изъ трехъ свойствъ: изъ особенностей языка, изъ извѣстнаго свойства и направленія мыслей, и изъ частныхъ приемовъ писателя, или обыкновенной его методы. Этими же чертами характеризуются и главные разговоры Платона. Но достаточны ли такіе признаки къ отличенію чуждыхъ элементовъ въ сборникѣ

¹ О Тимей и Государствѣ Аристотель упоминаетъ *Phys. IV, 8 Pol. II, 1* сл.; о Федонѣ—*Meteor. II, 2; De gen. et corr. II, 3; о Пирѣ—Pol, II, 4; о законахъ—Pol. II, 6—8. 9; о Менонѣ—Anal. pr. 11, 21 Anal. post. I, 1; о Горгіасѣ—Soph. el. 12; о Евтидемѣ— Soph. el. 20; о Гиппíасѣ Мен. — *Metaph. A 29; о Менексенѣ—Rhet. III, 14.* Подробнѣйшее и ученѣйшее изслѣдованіе этого предмета см. *Trendelenburg Platonis de ideis et numeris doctrina ex Aristotele illuse trata.* Lyps. 1826 p. 13 sqq.*

Платоновыхъ сочиненій? Что касается до языка, то всякій легко можетъ представить себѣ многихъ писателей, относящихся къ одной и тойже эпохѣ и обнаруживающихъ одинъ и тотъ же характеръ въ образѣ выраженія. Доказательства на это ежедневны: кто не видитъ, какъ иногда одинъ умъ, выступивъ за черту умовъ обыкновенныхъ, кладетъ печать своего слова на всю современную письменность? Слѣдовательно языкъ, самъ по себѣ, еще не можетъ быть порукою за подлинность нѣкоторыхъ Платоновыхъ сочиненій. При томъ, подмѣтить всѣ оттѣнки рѣчи, свойственной одному Платону, могъ бы развѣ непосредственный ученикъ его или ближайшій послѣдователь; а для нынѣшнихъ филологовъ, въ греческомъ слововыраженіи едва ли не все, кромѣ общаго родоваго различія греческихъ нарѣчій, подошло подъ одинъ уровень эллинскаго языка. Равнымъ образомъ и свойства идей въ подлинныхъ Платоновыхъ сочиненіяхъ не могутъ быть прилагаемы съ несомнѣннымъ успѣхомъ къ показанію подлинности или подлога прочихъ. Этотъ признакъ былъ бы достаточенъ только тогда, когда бы другіе не могли раздѣлять съ Платономъ ни его мыслей, ни предметовъ его мышленія. Но древность представляетъ намъ цѣлое поколѣніе философовъ, которые съ энтузіазмомъ изучали и передавали устно или письменно каждую мысль своего учителя: почему же не предположить, что нѣкоторые изъ нихъ, желая придать своимъ ученическимъ идеямъ болѣе достоинства, внесли ихъ въ составъ его сочиненій? Съ другой стороны нельзя не допустить, что Платонъ могъ писать многое и не для философскихъ цѣлей, что между его твореніями возможны и случайныя, которыя, ни по намѣренію писателя, ни по содержанію, не могутъ назваться философскими. Но если философскую мысль мы возьмемъ въ соединеніи съ обыкновенною методою подлинныхъ Платоновыхъ разговоровъ, и особенно сообразимъ, что Платонъ конечно не въ состояніи былъ философствовать и излагать свои мысли съ рав-

нымъ совершенствомъ во всѣхъ возрастахъ своей жизни; то эту чертою и при этой уступкѣ, гораздо вѣрнѣе опредѣлимъ все,—по крайней мѣрѣ, все философское, написанное именно Платономъ. Метода его разговоровъ столь сообразна съ ходомъ его мыслей и способомъ ихъ сообщенія, что вездѣ, и какъ бы необходимо слѣдуетъ за ними. Главныя ея свойства ¹, какъ сказано выше, суть: стремленіе возбудить душу читателя къ развитію своихъ собственныхъ идей, частое измѣненіе точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, и умолчаніе о послѣднихъ результатахъ изслѣдованія. Сообразно съ этими признаками, ко второму разряду Платоновыхъ сочиненій могутъ быть отнесены слѣдующіе разговоры:

Лахесъ.	Критонъ.
Лизисъ.	Эвтифронъ.
Хармидъ.	Іонъ.
Кратилъ.	Алкивиадъ 1.
Апология Сократа.	Иппіасъ большій.

Всѣ эти діалоги, по незатѣйливости плана, по неглубокости взгляда на предметъ и по простотѣ изложенія, конечно ниже прочихъ, несомнѣнно подлинныхъ сочиненій Платона; но должно замѣтить, что Платонъ написалъ ихъ въ молодыхъ лѣтахъ, когда или еще былъ, или только что пересталъ быть ученикомъ Сократа: на нихъ надобно смотрѣть, какъ на первые опыты геніальнаго философа, въ которыхъ нѣтъ и намека на развитую впослѣдствіи теорію идей, и которые написаны большею частію съ цѣлію апологетическою, для оправданія Сократа въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ. По этому непонятно, какъ такіе глубокіе критики, каковы—Астъ и Шлейермахеръ, не обративъ вниманія на то, что Платонъ не могъ же такъ глубоко мыслить и съ такимъ совершенствомъ излагать

¹ Древніе полагали за несомнѣнное, что разговоры, не имѣющіе пролога, не принадлежатъ Платону: но эта черта не существенна.

свои мысли въ молодости, какъ философствовалъ и писалъ въ возрастахъ позднѣйшихъ, почитаютъ означенные діалоги подложными.

Но что касается до остальныхъ сочиненій въ сборникѣ Платона, то они, частію по нефилософскому своему содержанію, частію по неловкой и вовсе не Платонической методѣ изложенія, частію по позднему образованію вошедшихъ въ нихъ словъ и выраженій, рѣшительно не могутъ быть приписаны Платону; хотя многія изъ нихъ, въ какомъ нибудь отношеніи, весьма важны и проливаютъ довольно свѣта на отдѣльныя истины въ подлинныхъ Платоновыхъ разговорахъ. Мы даемъ имъ третье мѣсто въ ряду сочиненій, носящихъ имя нашего философа.

Впрочемъ, эту классификацію Платоновыхъ сочиненій оцѣнивается только относительное ихъ достоинство и подлинность, а не показывается порядокъ, въ которомъ онѣ должны слѣдовать одно за другимъ. О порядкѣ ихъ древніе и новѣйшіе критики говорили очень много и очень различно. Мы укажемъ на мнѣнія болѣе замѣчательныя.

Драматизмъ, усматриваемый въ большей части Платоновыхъ разговоровъ, подалъ древнимъ мысль раздѣлить ихъ на тетралогіи, какъ дѣлили свои сочиненія Греческіе трагики ¹. Діогенъ Лаерцій (III, 56) справедливо замѣчаетъ, что изложеніе философскихъ идей вначалѣ было просто и натурально: это доказывается характеромъ сочиненій, написанныхъ Іонійцами и Пизагорейцами. Но Сократъ къ этой естественной простотѣ юной философіи присоединилъ элементъ иѣической, какъ Эсхилъ ввелъ другое дѣйствующее лице въ трагедію, а Платонъ дополнилъ философское изложеніе еще діалектикою, какъ Софокль дополнилъ трагедію своихъ предшественниковъ третьимъ дѣйствителемъ. При томъ, у Іонянъ философія явилась въ

¹ Древняя драма состояла изъ трехъ трагедій и одной сатиры. См. *Валл.* истор. лит. Т. 1. § 22.

простомъ догматическомъ разсказѣ о природѣ и уподоблялась эпосѣ; потомъ у Пиеагорейцевъ, отъ видимой природы переходя къ самосознанію, она приблизилась къ поэзіи лирической; наконецъ въ Платоновой Академіи, соединивъ міръ субъективный и объективный въ одно цѣлое, она естественно должна была принять характеръ драмы. Такимъ образомъ драматизмъ вошелъ не только въ форму, но и въ самый духъ Платоновыхъ разговоровъ; такъ что ихъ не несправедливо можно назвать философскими драмами ¹. Впрочемъ, это сравненіе мы простерли бы слишкомъ далеко, если бы захотѣли допустить съ Тразилломъ ² и Деркалидомъ ³, что самъ Платонъ располагалъ всѣ свои разговоры по тетралогіямъ. Въ подтвержденіе Тразиллова мнѣнія могло бы служить свидѣтельство Теренція Варрона о Федонѣ ⁴: *Plato in quarto de flumimibus apud inferos, quae sint, in heis unum Tartarum appellat: quare Tartari origo graeca*. Но Клитифона, который сводится въ одну тетралогію съ Государствомъ, Тимеемъ и Критіасомъ, нѣтъ основанія почитать сочиненіемъ несомнѣнно подлиннымъ. Такое же смѣшеніе подлинныхъ Платоновыхъ разговоровъ съ подложными, или по крайней мѣрѣ сомнительными, допущено и въ нѣкоторыхъ другихъ тетралогіяхъ Тразилла. Отсюда можно заключить вообще, что если Платонъ дѣйствительно располагалъ свои разговоры по тетралогіямъ;

¹ *Wyttenb. epist. ad Heusd. p. XLIV.*

² Тразилловы тетралогіи идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: (Menag. ad Diog. L. III, 1. p. 133).

- 1) Эвтифронъ, Апологія Сократа, Критонъ, Федонъ,
- 2) Кратилъ, Тезетъ, Софистъ, Политикъ,
- 3) Парменидъ, Филебъ, Пиръ, Федръ,
- 4) Алкивиадъ 1, Алкивиадъ 2, Иппархъ, Соперники,
- 5) Теагъ, Хармидъ, Лахесъ, Лизисъ,
- 6) Эвтидемъ, Протагоръ, Горгіасъ, Менонъ,
- 7) Иппіасъ большій, Иппіасъ меньшій, Ионъ, Менексенъ,
- 8) Клитифонъ, Государство, Тимей, Критіасъ,
- 9) Миносъ, О законахъ, Послѣзаконіе, Письма.

³ *Albin. isagog. § 6. p. 129. Fisch.*

⁴ Въ шестой книгѣ de lingua latina. p. 88. т. 1. Vip.

то истинный тетралогическій порядокъ ихъ перепутанъ разговорами подложными. Еще неудачнѣе опытъ Аристофана Грамматика, который раздѣлилъ сочиненія Платона по *трилогіямъ* ¹; потому что его дѣленіе не только произвольно въ отношеніи къ содержанію разговоровъ, но и несообразно съ хронологическимъ послѣдованіемъ ихъ. И такъ, нельзя ли расположить Платоновы сочиненія хронологически?

Преданіе древности и внимательное слѣдованіе за ходомъ отдѣльныхъ сочиненій Платона, безъ сомнѣнія, могли бы помочь намъ въ этомъ случаѣ. Такъ напримѣръ, по свидѣтельству Эвфоріона и Панеція, первымъ произведеніемъ Платона былъ Федръ: *λόγος δὲ πρῶτον γράψαι αὐτὸν τὸν Φαίδρον* ², что подтверждается и поэтическимъ или диѳирамбическимъ тономъ этого разговора. Равнымъ образомъ, печать юношеской живости Платона видна и въ его Парменидѣ. Нѣтъ также сомнѣнія, что Протагоръ, Горгіасъ и Лизисъ были написаны еще при жизни Сократа, а Тезтетъ—вскорѣ послѣ его смерти; что Государство, Филебъ, Тимей и Критіасъ суть зрѣлые плоды его старости. Но подвести всѣ эти и другія сочиненія подъ точную и опредѣленную хронологію—нѣтъ никакой возможности. Тутъ надобно искать истины въ едва замѣтныхъ оттѣнкахъ, которые являются и исчезаютъ съ быстротою неуловимыхъ переливовъ свѣта и тѣни; тутъ живость и важность, юность и старость, мѣняются почти съ каждою страницей творенія.

Такимъ образомъ, если мы, для расположенія Платоновыхъ разговоровъ, не имѣемъ достаточныхъ основаній ни въ исторіи, ни въ хронологіи; то остается дать имъ такой порядокъ, какой сообразнѣе съ общою ихъ цѣлію: — высказать, сколько можно яснѣе и вѣрнѣе, философію Пла-

¹ Это дѣленіе у *Diog. L. III. 61.*

² *Diog. L. III. 38.*

тона. Для достиженія этой цѣли, по нашему мнѣнію, надобно обратить особенное вниманіе — во первыхъ на сближеніе однозначущихъ и подобныхъ ученій, во вторыхъ на зависимость ихъ одного отъ другаго. Первое средство должно способствовать ко взаимному объясненію частныхъ истинъ; второе — къ утверженію всѣхъ ихъ на основныхъ идеяхъ Платоновой философіи. Но этотъ общій взглядъ очевидно ближе къ ученію Платона, чѣмъ къ его разговорамъ; а потому рождается вопросъ: можно ли расположить разговоры его такъ, чтобы они выражали какой нибудь научный порядокъ? Jean de Serres, котораго латинскій переводъ припечатанъ къ греческому тексту Стефанова изданія Платона, дѣйствительно думалъ осуществить эту мысль и раздѣлилъ всѣ сочиненія нашего философа на нѣсколько сизигій, или сочетаній. Но изъ такого порядка произошелъ еще большій беспорядокъ; потому что у Платона часто въ одномъ и томъ же разговорѣ изслѣдываются предметы, относящіеся къ разнымъ частямъ философіи, между тѣмъ какъ онъ долженъ былъ стоять въ которой нибудь одной сизигіи ¹. Такая несообразность произошла, кажется, отъ того, что Jean de Serres не искалъ основанія для своихъ сочетаній въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Платона, но установилъ ихъ, сообразно съ внѣшними требованіями схоластической методы. Слѣдова-

¹ Сизигіи Іоанна Серрскаго слѣдующія:

- 1) Апологическая (Эвтифронъ, Апологія, Критонъ и Федонъ).
- 2) Пропедевтическая (Теагъ, Соперники и Теэтеть).
- 3) Антисофистическая (Софистъ, Эвтидемъ, Протагоръ и Иппіасъ меньшій).
- 4) Логическая (Кратилъ и Горгіасъ).
- 5) Иеическая общяя (Филебъ, Менонъ и Алкивиадъ 1).
- 6) Иеическая частная (Алкивиадъ 2, Хармидъ, Лизіасъ и Иппархъ).
- 7) Политическая (Менексенъ, Политикъ, Миносъ, Государство, Законы и Послѣзаконіе).
- 8) Физическая и метафизическая, или теологическая (Тимей, Критіасъ, Парменидъ, Пиръ, Федръ, и Иппіасъ большій).
- 9) Письма и неподлинныя разговоры.

тельно, для избѣжанія подобной неправильности, мы прежде всего должны найти между разговорами Платона такіе, которые заключали бы въ себѣ основныя идеи всей его философіи, и потомъ, сообразуясь съ содержаніемъ каждаго, обставить ихъ прочими: чрезъ это истины зависимыя будутъ сближены съ коренными, и однѣ отъ другихъ получать болѣе ясности и опредѣленности. И такъ, сравнивая между собою отдѣльныя сочиненія Платона по объемлемости, плодovitости и важности содержащагося въ нихъ ученія, мы, вмѣстѣ съ Астомъ и Шлейермахеромъ, признаемъ основными разговорами: Парменидъ, Протагоръ и Федръ. Въ Протагорѣ излагаются послышки для метафизическихъ результатовъ Платона о высотѣ добродѣтели; въ Парменидѣ заключается ученіе его объ идеяхъ, или объ истинѣ самой въ себѣ; въ Федрѣ разсматривается вообще природа изящнаго, или прекраснаго. Если нашъ взглядъ на эти разговоры вѣренъ; то уже не трудно раздѣлить и прочіе: надобно только, сообразуясь съ содержаніемъ каждаго, отнести его къ тому коренному сочиненію Платона, изъ котораго онъ долженъ былъ развиться. Такимъ образомъ всѣ разговоры своего философа мы дѣлимъ на—

- I. *Протагоровскіе*, въ которыхъ излагается преимущественно теорія добродѣтели въ смыслѣ нравственномъ и политическомъ. Сюда относятся разговоры: *Протагоръ*, *Эвтидемъ*, *Эвтифронъ*, *Лаксъ*, *Хармидъ*, *Менонъ*, *Апология Сократа*, *Критонъ*, *Федонъ*, *Горгіасъ*, *Менексенъ Алкивиадъ*, *Государство*, и *Законы*, Внутренній характеръ всѣхъ этихъ разговоровъ—*діалектико-дидактическій*.
- II. *Парменидовскіе*, въ которыхъ раскрывается особенно теоретическая сторона Платоновой философіи, или вообще истина въ разныхъ ея отношеніяхъ. Платонъ излагаетъ въ нихъ собственное ученіе большею частію въ связи съ ученіями прежнихъ философскихъ школъ и съ умствованіями софистовъ. Сюда относятся

разговоры: *Парменидъ, Теэтетъ, Тимей, Политикъ, Критіасъ, Софистъ, Кратилъ и Іонъ*. Внутренній характеръ ихъ—*критико-діалектическій*.

- III. *Федровскіе*, въ которыхъ истина и добро разсматриваются подъ формами прекраснаго, и приводятся къ единству въ религіи, человѣкѣ и его произведеніяхъ. Сюда относятся разговоры: *Федръ, Пиръ, Филебъ, Лизисъ, Иппіасъ старшій и Иппіасъ младшій*. Внутренній характеръ всѣхъ ихъ — *дидактико - поэтическій*.

